

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Russia

HL 1000 L

Kuplevaskii

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ ВЪ XVII ВѢКѢ

1877

RUS

КУР

HARVARD
LAW
LIBRARY

Digitized by Google

Куплевскій, Н.
Состояніе...

1

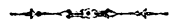
СОСТОЯНІЕ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ

ВЪ ХVІІ ВѢКѢ

988

НА ДВОРЦОВЫХЪ ЗЕМЛЯХЪ И ЗЕМ-
ЛЯХЪ ДУХОВНЫХЪ И СВѢТСКИХЪ ВЛА-
ДѢЛЬЦЕВЪ.

Историко-юридическій очеркъ.

Соч. Николая Куплевскаго.

К І Е В Ъ.

Типографія С. Т. Еремѣва, Вибиковскій Бульваръ собств. допт.
1877.

СОСТОЯНІЕ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ

Х
ВЪ ХVІІ ВѢКѢ

НА ДВОРЦОВЫХЪ ЗЕМЛЯХЪ И ЗЕМ-
ЛЯХЪ ДУХОВНЫХЪ И СВѢТСКИХЪ ВЛА-
ДѢЛЬЦЕВЪ.

Историко-юридическій очеркъ.

—
Nikolaj Osipovich Kuplevaskii
Соч. Николая Куплеваскаго.

К І Е В Ъ.

Тялографія С. Т. Еремѣва, Вибиковскій Бульваръ собств. домъ.

1877.

~~Въ продажѣ~~

ВЕРХОВНОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СОВЕТУ
ИМПЕРИИ

№ 1177

Ваше Высочайшее повеление
от 18 декабря 1876 года
в отношении

ДОЗВОЛЕНЮ ЦЕНЗУРОЮ.

Киев, 18-го декабря 1876 года.

SEP 16 1930

Въ XVII в. крестьяне постепенно теряютъ свою личную независимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то политическое значеніе, которымъ они пользовались въ государствѣ въ предшествовавшую эпоху, когда государство еще не было централизовано, когда вотчинники и помѣщики не выдѣлялись еще изъ мѣстнаго населенія какъ особый классъ отличающійся особыми правами, когда все управленіе лежало на мѣстной общинѣ. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ значенія крестьянства измѣняется и значеніе сельской общины. Въ XVII в. крестьянская община находится въ другомъ отношеніи и къ государству и къ частнымъ владѣльцамъ вотчинникамъ и помѣщикамъ. Сила государства и сила вотчинниковъ и помѣщиковъ увеличивается а значеніе крестьянской общины понижается какъ въ ея частныхъ правахъ, такъ и въ ея государственномъ значеніи. До XVII вѣка все крестьянское населеніе жившее какъ на своихъ такъ и на княжескихъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ группировалось въ различнаго рода союзы, которые или имѣли только государственное значеніе, т. е. составляли единицу въ мѣстномъ управленіи, или же вмѣстѣ съ тѣмъ были связаны и поземельнымъ владѣніемъ и составляли поэтому поземельную общину, субъектъ частнаго права. Мѣстными единицами перваго рода были станы, поземельной же общиной была волость, которая или состояла изъ частно-владѣльческихъ и черныхъ деревень, или же исключительно изъ однихъ черныхъ деревень и составляла тогда черную волость. Типомъ общины того времени изъ котораго послѣдовательно развились и другія виды общинъ была черная волость. Разсмотримъ характер-

ныя черты этой волости и намѣтимъ тотъ процессъ, которымъ совершается разложеніе ея и обращеніе въ общину того типа, который въ XVII в. является господствующимъ и существуетъ въ другой исторической обстановѣ.

Черная волость была во 1-хъ община—собственникъ, независимый субъектъ частнаго права *). Она владѣтъ своей территоріей; она мѣняетъ (А. Ю, 151) отдаетъ въ наемъ свои земли (ibid, 4) ищетъ и отвѣчаетъ по искамъ (ib, 4; ак. отн. до юр. быта I стр. 636), получаетъ по дареніямъ отъ постороннихъ лицъ (отказная Никиты Строгонова на деревню Яругинскую А. Ю. 137) выкупаетъ деревни заложенные ея членами въ частныя руки (ак. отн. до юр. быта I, стр. 125). Какъ всякій собственникъ, черная волость раздаетъ пустующіе участки (А. Ю. 187), около Юрьева дѣя посылаетъ своихъ отказчиковъ, которые приглашаютъ крестьянъ живущихъ на частновладѣльческихъ земляхъ, или земляхъ другихъ общинъ перейти въ ту волость, изъ которой они, отказчики, посланы (А. А. Э. I, 73; доп. къ А. И I, 56) какъ и другіе собственники она

---

*) Въ настоящее время трудами Градовскаго (Исторія мѣстн. упр. стр. 17—28, Горчакова (о зем. владѣніи всероссійскихъ митрополитовъ) Дювернуа (источники права и судъ въ древней Россіи стр. 115-123 и 205) и комментаріями Владимірскаго-Будансва разъясненными въ разныхъ мѣстахъ хрестоматіи по исторіи русскаго права окончательно укрѣплено мнѣніе Бѣльева, что черныя волости были общины совершенно самостоятельныя въ своемъ поземельномъ владѣніи и опровергнуто мнѣніе Чичерина что до XVI в. вся земля за исключеніемъ вотчинной принадлежала князю какъ частному собственнику и что общинное землевладѣніе есть продуктъ дѣятельности правительства. Можно считать вполне доказаннымъ, что черныя волости принадлежали князю не какъ частному собственнику а находились только въ его государственномъ владѣніи и отличались отъ селъ подъ которыми съ XIV вѣка разумются только поселенія на земляхъ частновладѣльческихъ. Подтвержденіе этого различія между волостями и селами проведеннаго впервые Бѣлевымъ (о позем. влад. въ Московскомъ госуд. В. О. Ист. и Др. XI, стр. 2-я и слѣд.) дано въ послѣднее время Горчаковымъ (о зем. вл. стр. 105—108, 125—131, 215 и др.); онъ доказываетъ что даже на земляхъ московскихъ митрополитовъ различались села, на которыя они имѣли права частныхъ собственниковъ и волости находившіяся только въ ихъ управленіи.

строить на своихъ земляхъ церкви и монастыри, хранить у себя церковную или монастырскую казну, надѣляетъ монастыри деревнями и приглашаетъ духовныхъ лицъ для служенія (А. А. Э I, 364 и II, 11). Это не есть община ведущая одно нераздѣльное хозяйство; изъ всѣхъ приведенныхъ выше актовъ видно, что эксплуатація пахотныхъ полей производится не всею волостью а отдѣльными деревнями, владѣніе которыми настолько укрѣпляется за отдѣльными членами волости, что они могутъ свой участокъ завладывать. Въ общемъ владѣніи всей волости остаются лѣса, воды, сѣнокосы и пустыючіе пахотные участки, пользование которыми регулируется волостью сообразно своимъ мірскимъ обычаямъ *).

Во 2-хъ, черная волость имѣетъ большое государственное значеніе; она составляетъ органъ мѣстнаго фінансоваго и суддебнаго управленія. Само населеніе принимаетъ участіе въ этомъ управленіи при посредствѣ своихъ общинныхъ властей сотскихъ, старость и лучшихъ добрыхъ людей, цѣловальниковъ. Представителями княжеской власти въ волости были волостели, а въ городахъ съ прилежащими землями намѣстники. Эти волостели и намѣстники должны были дѣйствовать въ согласіи съ мѣстными обычаями и руководиться указаніями мѣстныхъ общинныхъ властей уже потому, что даже во времена Царскаго Судебника только процессуальныя формы были сколько нибудь подробно опредѣлены законодательствомъ, матеріальное же право находилось въ такомъ фрагментарномъ видѣ, что не могло служить значительной подмогой. Власть этихъ намѣстниковъ и волостелей съ теченіемъ времени уменьшалась и важнѣйшія дѣла стали подлежать княжескому докладу, но внача-

*) Лѣса въ писцовыхъ книгахъ описываются не отдѣльно по деревнямъ какъ пашни и другія угодья, а на всю волость въ общей межѣ и круглымъ числомъ (См. сотную выписку на волость Ивановъ Борокъ. А. Ю, 228). Относительно общаго владѣнія черныхъ волостей сѣнокосами и рыбными ловлями даже послѣ того какъ они были розданы въ помѣстья см. переписную окладную книгу Водской пятины 1500 г. В. О. И и др. XI стр. 131 а также 121 и 123.

лѣ эти лица, за исключеніемъ высшей политической власти (права войны, мира, сношеній, наложенія дани) были такими же представителями общинной власти какъ и сами князья. Бругъ дѣлъ предоставленныхъ намѣстникамъ и волостелямъ долго не былъ очерченъ ни какими границами. Онъ судилъ съ старостами и добрыми людьми докладывая князю только тогда, когда самъ затруднялся рѣшеніемъ дѣла; стѣсненъ онъ былъ развѣ только возможностью жаловаться на него въ Москву. При Иванѣ III намѣстникъ съ боярскимъ судомъ имѣлъ еще неограниченную судебную власть. Только при Иванѣ IV дѣятельность всѣхъ намѣстниковъ, въ томъ числѣ и намѣстниковъ съ боярскимъ судомъ, значительно ограничена. Они не рѣшаютъ безъ доклада царю дѣлъ уголовныхъ и холопскихъ, т. е. не казнятъ татя, не даютъ отпускныхъ холопу и не выдаютъ холопа господину (Дмитріевъ. Исторія судеб. инстанцій стр. 19—21).

Таково частноправное и государственное значеніе черной волости, типа свободной общины служившей основаніемъ всей исторіи мѣснаго управленія до XVII в.

Однако еще съ весьма раняго времени совершается разложеніе черной волости. Сначала уничтожается ея хозяйственное единство, затѣмъ уничтожается и ея единство государственное, т. е. ея значеніе какъ органа мѣснаго управленія.

Еще въ первыя времена извѣстной намъ исторіи изъ общаго хозяйственнаго состава волости выдѣляются села, занятая людьми богатыми движимымъ имуществомъ и челядью. Такими лицами были князья, бояре и монастыри. Они становятся внѣ хозяйственной зависимости отъ общины, сила ихъ со временемъ увеличивается и они посредствомъ денежныхъ ссудъ соединенныхъ съ закладомъ деревень, посредствомъ отдачи деревень на поминъ души въ монастыри, наконецъ иногда просто путемъ насильственныхъ захватовъ увеличиваютъ свои владѣнія въ волости и уменьшаютъ количество черныхъ деревень. Примѣромъ такого раздробленія и наконецъ окончательнаго по-

глощенія черной волости частнымъ землевладѣніемъ можетъ служить Ликурская волость. Одно время въ ней было только 3 сельца частновладѣльческихъ, остальные поселенія состояли изъ черныхъ деревень; вначалѣ XVI в. изъ этихъ черныхъ деревень осталось только 6, остальные деревни перешли во власть бояръ и митрополитовъ (А. Ю. 8); наконецъ въ XVII вѣкѣ Ликурская волость уже цѣликомъ вошла въ составъ патриаршихъ земель (Горчаковъ о зем. влад. стр. 368-я). Хозяйственное значеніе волости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе ея какъ независимаго субъекта частнаго права разрушается постепенно. Въ XVI в. встрѣчаются волости, состоящія изъ деревень принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ но все таки составляющія еще до нѣкоторой степени одно цѣлое. Такъ волостка Альмешская, состоящая изъ 18 деревень принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ, владѣтъ общимъ выгономъ и отыскиваетъ на судѣ нѣкоторыя части его которыми завладѣли сосѣди (А. отн. до юр. б. I, 52, IV).

Государственное единство волости разрушается также весьма постепенно. Даже по распаденіи хозяйственнаго единства волости все населеніе ея какъ живущее въ черныхъ деревняхъ, такъ и живущее во владѣльческихъ селахъ составляло одно цѣлое, входило въ составъ одной единицы въ управленіи. По общему правилу частновладѣльческія села судомъ и данью тянули къ волостямъ и станамъ т. е. населеніе ихъ вмѣстѣ съ черными людьми подчинялось намѣстнику и волостелю и также какъ и черные принимало участіе въ судѣ и управленіи (межевая грамота вел. кн. Ивана Васил. 1496—1504 г. Др. Рус. Вив. изд. 2-е часть 2-я стр. 325—326). Разрушеніе волости какъ единицы въ мѣстномъ управленіи производится жалованными грамотами изъемлющими населеніе живущее на частновладѣльческихъ земляхъ отъ юрисдикціи волостеля или намѣстника и выдѣляющими это населеніе изъ состава волости. Это обособленіе частновладѣльческихъ селъ сначала имѣетъ значеніе исключенія изъ общаго правила и только въ

XVII в. совершается окончательно. Въ этомъ вѣкѣ государственное значеніе волости уменьшается подъ вліяніемъ двухъ обстоятельствъ: развитія московской централизаціи и увеличенія значенія вотчинниковъ и помѣщиковъ, которые представляютъ собою экономическую и государственную силу выдѣлившуюся изъ мѣстнаго населенія и прочно организованную. Волости продолжаютъ существовать только на земляхъ государевыхъ и на земляхъ духовнаго вѣдомства но не съ прежнимъ государственнымъ значеніемъ, станы теряютъ почти всякое значеніе. Мѣстныя единицы разлагаются, посады отдѣляются отъ уѣздовъ, помѣстья и вотчины отъ волостей и становъ, все населеніе распадается на классы по роду тягла наложеннаго государствомъ и получаетъ свою организацію не въ мѣстности а въ Москвѣ. Два раза правительство рѣшалось дать полное развитіе мѣстному самоуправленію, одинъ разъ въ половинѣ XVI в. по отмѣнѣ намѣстниковъ и волостелей (уст. гр. Переясловскимъ рыболовамъ А. А. Э I, 242). другой разъ по водвореніи нѣкотораго порядка послѣ невзгодъ смутнаго времени (уст. гр. устьянскимъ волостямъ А. А. Э. III, 126) но оба раза это самоуправленіе не утвердилось. Власть московскихъ приказовъ и ихъ мѣстныхъ агентовъ воеводъ стрѣлецкихъ и таможенныхъ головъ и тому под. лицъ сдавливало это самоуправленіе и оно на дѣлѣ существовало только въ нѣкоторыхъ посадахъ, да въ черныхъ волостяхъ сѣверной и сѣвровосточной Россіи. Единственнымъ учрежденіемъ въ которомъ принимало участіе все мѣстное населеніе были губные округа съ губными старостами изъ дворянъ и цѣловальниками изъ крестьянъ и посадскихъ, но это учрежденіе втеченіи XVII в. все болѣе и болѣе теряетъ самостоятельное значеніе; губные старосты дѣлаются такими же приказными органами какъ и воеводы, со второй половины XVII вѣка то отмѣняются, то снова восстанавливаются и наконецъ въ 1702 г. уничтожаются окончательно (Градовскій. Ист. мѣстнаго управл. стр. 338 и слѣд.; Чичеринъ. Областн. учред. стр. 449—452).

Выше былъ указанъ одинъ изъ путей которымъ совершался переходъ черныхъ деревень въ руки частныхъ собственниковъ и уничтожалась черная волость какъ независимое въ своемъ поземельномъ владѣннiи лицо. Былъ еще другой путь ведшій къ тому же результату а именно, приравненiе черныхъ волостей къ дворцовымъ, причемъ первыя дѣлаются такими же государевыми волостями какъ и послѣднiя, завѣдуются въ Приказѣ Большаго Дворца, уплачиваютъ одинаковыя съ ними подати, получаютъ иногда приказчиковъ, наконецъ наряду съ дворцовыми волостями раздаются въ помѣстья и вотчины (Чичеринъ. Опыты по ист. русск. права стр. 130—133) Въ половинѣ XVII в. черныя деревни розданныя въ помѣстья и вотчины, насколько можно судить при существующей неполнотѣ матеріаловъ, кажется, ничѣмъ уже не отличались отъ другихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ деревень и врядъ ли даже сохранили названiе черныхъ.

Всѣми этими путями, прiобрѣтенiями по частнымъ сдѣлкамъ, насильственными захватами со стороны вотчинниковъ и помѣщиковъ, наконецъ посредствомъ раздачь государствомъ черныхъ деревень въ помѣстья и вотчины дѣло пришло къ тому, что въ половинѣ XVII в. черныхъ деревень осталось очень немного, по словамъ Котошихина около 20,000 дворовъ, главная же масса крестьянскаго населенiя жила на дворцовыхъ, духовныхъ и частновладѣльческихъ земляхъ. Разсмотрѣнiе юридическаго положенiя сельской общины и ея дѣятельности на этихъ земляхъ и составить предметъ настоящаго очерка.

Въ XVII вѣкѣ сельскiя общины существуютъ на всѣхъ земляхъ какъ вотчинныхъ и помѣстныхъ, такъ и государевыхъ. Крестьяне каждой вотчины или помѣстья составляютъ особую общину отдѣльную какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ государственномъ, т. е. податномъ, судебномъ и полицейскомъ

отношеніи отъ общинъ живущихъ на земляхъ другихъ вотчинниковъ или въ государевыхъ волостяхъ. Вотчина или помѣстье состоитъ изъ села съ окружающими деревнями. Село отличается отъ деревень тѣмъ, что въ немъ находятся хозяйственныя постройки владѣльца, домъ его, иногда церковь. Въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ нѣтъ владѣльческой записки и все населеніе находится на оброкѣ, такую общину составляетъ нѣсколько деревень. Эта совокупность деревень на земляхъ духовнаго и дворцоваго вѣдомства носитъ названіе волости (Горчаковъ о зем. влад. стр. 197 и 366- А. А. Э. II, 30).

Членами сельской общины состоятъ тѣмъ крестьяне какъ изстаринные такъ и новопорядные прибрѣпленные къ землѣ. Они одни принимаютъ участіе во всѣхъ дѣлахъ общины. Кромѣ этихъ тяглецовъ существуетъ еще значительное количество вольныхъ людей, которые не принимали на себя самостоятельнаго тягла и живутъ за чужимъ тягломъ. Вольный человѣкъ принимая на себя самостоятельное тягло на землѣ того же владѣльца гдѣ онъ жилъ или на землѣ другого владѣльца вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно поступалъ въ сельскую общину хотя могъ взять на себя и отдѣльный участокъ земли не входя въ составъ общины. Въ порядныхъ записяхъ даваемыхъ при поступленіи въ общину обыкновенно говорится, что крестьянинъ обязывается за государемъ своимъ жить какъ и прочіе живутъ крестьяне, чему соотвѣтственно и обязанности относительно податей и повинностей опредѣляются такъ: государево тягло тянути и помѣщичьё дѣло дѣлать съ сусѣды вмѣстѣ по своему жеребью (Бѣляевъ. Кр. на Р. стр. 170—173). При поступленіи на пашню крестьянинъ обыкновенно бралъ ссуду давалъ на себя такъ называемую порядную записку и представлялъ изъ той общины куда поступалъ а иногда и изъ лицъ постороннихъ (А. А. Э. II, 133) поручителей въ томъ, что онъ на той землѣ на которую порядился, будетъ жить и дѣлать все по условію, а если куда уйдетъ или не исполнитъ выставленныхъ условій, то на немъ и на его поручникахъ пре-

доставляется взять столько-то рублей. Послѣ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, въ томъ случаѣ, когда крестьянинъ самовольно оставлялъ участокъ, уплатой неустойки по всей вѣроятности дѣло не ограничивалось и крестьянинъ былъ возвращаемъ на свое тягло. Крестьянинъ однако могъ прямо выговорить себѣ право перехода съ условіемъ посадить другого тяглеца на свое мѣсто, (примѣръ у Бѣляева на стр. 169).

Каковы были права крестьянской общины на занимаемыя ими земли? Бѣляевъ, а вслѣдъ за нимъ и Горчаковъ, предполагаютъ, что послѣ прикрѣпленія крестьянъ (по крайней мѣрѣ въ первую половину XVII в. пока сила вотчинниковъ и помѣщиковъ еще не развилась до того, что они получили право переводить крестьянъ съ пашни во дворъ и продавать ихъ безъ земли) права крестьянъ на землю даже укрѣпились сравнительно съ правами крестьянъ жившихъ на владѣльческихъ земляхъ во времена предшествовавшія прикрѣпленію. Съ этимъ мнѣніемъ, я думаю, слѣдуетъ согласиться. До прикрѣпленія, крестьянинъ въ Юрьевъ день могъ сойти съ участка по своей волѣ или по волѣ владѣльца; въ XVII в. когда прикрѣпленіе крестьянъ было признано государственнымъ закономъ и поддерживалось преимущественно въ виду государственныхъ интересовъ, исправнаго полученія съ крестьянъ государственныхъ доходовъ, не только крестьянинъ не могъ самовольно сойти съ участка, но и владѣлецъ не могъ его согнать. Такимъ образомъ пользованіе крестьянъ землею сдѣлалось наследственнымъ въ силу самаго закона. Бѣляевъ предполагаетъ даже (впрочемъ не утверждая рѣшительно), что количество земли полагавшейся въ надѣлъ крестьянамъ послѣ прикрѣпленія было точно опредѣлено закономъ (стр. 117) Это мнѣніе онъ основываетъ на томъ, что въ Бѣлевской писцовой книгѣ XVII в. на каждую крестьянскую выть полагается одно и тоже количество земли. Но съ этимъ мнѣніемъ о существованіи въ XVII в. правительственной регламентаціи поземельныхъ отношеній врядъ ли можно согласиться. Положеніе одинаковаго ко-

личества земли на выть не указываетъ на опредѣленность крестьянскаго надѣла такъ какъ на одной выти могла жить одна семья, но могло жить и нѣсколько семействъ.

Не смотря на увеличившееся въ XVII в. значеніе вотчинниковъ, помѣщиковъ и московскихъ приказовъ сельская община во весь XVII в. продолжаетъ пользоваться значительною самостоятельностью въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ.

Сельское общество, всѣмъ міромъ, подъ наблюдениемъ приказчика прозводитъ развитку земель между крестьянами а вмѣстѣ съ тѣмъ и разверстку государственныхъ податей, а также оброчной и издѣльной повинности владѣльцу. Хозяйственной и податной единицей была выть. Эта выть заключала въ себѣ различное количество земли 6, 7 или 8 десятинъ смотря по качеству почвы. Такое напр. количество десятинъ на выть полагалось въ дворцовыхъ селахъ конца XVI вѣка (Времен. общ. ист. и др. XI, стр. 21), а въ половинѣ XVII вѣка въ вотчинахъ боярина Морозова (Забѣлинъ. Большой бояринъ Вѣст. Евр. 1871 т. I стр. 24.) и митрополичьихъ (А. И. V. 171.) Кромѣ того на выть полагалось опредѣленное число копенъ сѣна и нѣкоторое пространство лѣсу въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ. Въ селѣ Единоновѣ въ концѣ XVI вѣка. на выть полагалось 34 копны сѣна и $\frac{1}{2}$ десятины лѣсу. Каждая семья получаетъ такой участокъ земли, какой она въ состоянїи обработать. Кто съ достаткомъ, можетъ обработать большой участокъ и соотвѣтственно тому платить больше государственныхъ податей и помѣщичьихъ доходовъ, тотъ садился на цѣлую выть, кто бѣденъ или малосемьянистъ тотъ садился на одну выть вмѣстѣ съ другими и получалъ только $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$ часть выти. Дѣятельность міра въ дѣлѣ развитки участковъ ведетъ свое начало еще изъ предыдущей эпохи. Такъ еще въ платежной книгѣ дворцоваго села Единоновскаго 1588 года говорится: А землями и луги и лѣсомъ и всякими угоды верстатися крестьяномъ межъ себя самымъ полосами или десятинами на каждую выть по ровну.... а на пустыя выти приказ-

чику и старостамъ и цѣловальникамъ и всѣмъ крестья намъ называти жильцовъ на льготу (Врем. XI Бѣлаевъ о поз. влад. стр. 23). Тоже мы видимъ въ заонежскихъ дворцовыхъ волостяхъ въ началѣ XVII в. (Доп. А. И. I 167), въ дворцовыхъ селахъ Шацкого уѣзда (въ нынѣшней Тамбовской губерніи) при Алексѣѣ Михайловичѣ (Арх. ист. и пр. св. кн. 3-я Калачевъ рецензія стр. 53) На частновладѣльческихъ земляхъ во все продолженіе XVII вѣка мы встрѣчаемъ тоже самое. Въ вотчинахъ боярина Морозова развитка земель столько же зависѣла отъ міра, сколько и отъ приказчика. Такъ въ одной отпискѣ приказчика села Ивановки своему боярину говорится: крестьянинъ Михаилъ Козель просилъ поверстать его также какъ и братію въ усадьбѣ и въ полѣ, но выборный Игнашка съ товарищами боярскаго указу не послушали, поверстать въ землѣ недали, отводятъ ему землю видимо худшую, съ собою ровно не верстаютъ, а сказываютъ ему: ты паши тамъ гдѣ навозилъ а что нажилъ и ты съ нами подѣли, такъ мы тебя ровно и поверстаемъ. Тотъ же приказчикъ пишетъ, что ему велѣно было землю въ десятины измѣрить и какъ сталъ онъ мѣрить, то крестьянинъ Игнашка (тотъ же выборный) съ товарищами своровали пустой осмакъ ($\frac{1}{8}$ выти), утаили, изрѣзали въ малыя дольки по себѣ, насѣяли яроваго хлѣба а онъ это открылъ и осмакъ унихъ отнялъ (Забѣлинъ. В. Е. 1871, т. I стр. 473). Развитка земли дѣлалась міромъ подъ надзоромъ приказчика, но мы встрѣчаемъ и такіе примѣры гдѣ самъ вотчинникъ черезъ своихъ приказчиковъ распоряжается развиткой крестьянской земли. Въ 1680 г. крестьянинъ деревни Глазковой, жалуется своему вотчиннику монастырю: «сизу я на четверткѣ ($\frac{1}{4}$ выти) а Вы, государи, положили еще на меня пустую долю Алексѣя Мокѣева, а я человекъ одинокій мнѣ и стараго тягла не стянуть». Въ отвѣтъ на это отданъ наказъ приказчику посадить его на $\frac{1}{8}$ часть выти, также и другихъ тяглецовъ сажать на осмакахъ, а на четверткахъ что бы от-

нюдь тяглицевъ не было (Бѣляевъ Кр. на Р. стр. 233). Но все таки владѣлецъ обнаруживалъ еще нѣкоторое уваженіе къ общинной власти даже тогда когда отдѣльный членъ общины обращался къ нему самому съ просьбами, Въ 1652 г. одинъ подмосковный крестьянинъ бьетъ челомъ Морозову: «работалъ я прежде съ осмака а нынѣ устарѣлъ, да два внука подро-стаютъ» просить сдѣлать ему облегченіе, тянуть ему только съ половины осмака, а на другую половину дать льготу. Бояринъ приказалъ: буде онъ старъ и работать съ осмака не въ силахъ, велѣтъ на полъ осмака дать льготы на сколько (времени) доведется, *какъ миромъ приговорятъ.*

Нельзя сказать опредѣленно, часто ли и въ какіе сроки происходилъ общій передѣлъ пахотныхъ полей, былъ ли такой передѣлъ повсемѣстнымъ обычаемъ, или же, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ общинахъ такой передѣлъ и не бывалъ, а производились только частныя освобожденія обезсилѣвшихъ семействъ отъ излишняго бремени и надѣленіе этими освободившимися участками другихъ семействъ. Одно только можно сказать—что общій передѣлъ земель извѣстенъ гораздо раньше введенія подушной подати вліянію которой Чичеринъ приписываетъ исключительно происхожденіе этого обычая (Чичеринъ. Опыты стр. 44 и слѣд. 135 и слѣд.). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ существовалъ ли передѣлъ пахотныхъ полей въ селахъ и деревняхъ болѣе ранняго времени, я приведу два указанія относящіяся къ XVII вѣку. При Алекс. Михайловичѣ, священникъ Богоявленской церкви дворцоваго села Шаморги Шацкаго уѣзда нынѣшней Тамбовской губерніи Иванъ Васильевъ въ своей просьбѣ о выдѣленіи ему отдѣльнаго отъ крестьянъ участка земли говоритъ: а села Шаморги *крестьяне промежъ себя папшю дѣлятъ по часту а мнѣ, попу Ивану, даютъ папшю худую на толокахъ и въ мѣрѣ меньши* (Арх. ист. и пр. св. III Калачевъ рец. стр. 53), С. Соловьевъ, ссылаясь на акты города Шуи и дѣла архива иностранныхъ дѣлъ, указываетъ на передѣлъ земли въ подсадахъ въ XVII в. «Въ земской избѣ приговариваютъ раздѣлить па-

хотную землю въ городскихъ 3-хъ поляхъ впредь до новаго мірскаго же передѣла; при этомъ иногда міромъ постановляютъ чтобы никто не смѣлъ передавать свой участокъ посто-роннему человѣку ни на одинъ годъ, ни на одно лѣто; если же передастъ, то теряетъ свой участокъ, который переходитъ въ міръ». (Соловьевъ И. Р. XIII стр. 100).

Какъ бы ни возникъ этотъ обычай общаго передѣла, но поддерживался онъ изъ различныхъ побужденій. Въ иныхъ мѣстахъ, напр. въ Шуѣ, какъ видно изъ предыдущаго примѣра, земля имѣла значительную цѣну доставляла выгоды лицу владѣвшему ею и передѣлъ совершался съ цѣлью доставить возможность всѣмъ членамъ общины пользоваться этими выгодами, но въ другихъ мѣстахъ, а можетъ быть и въ большинствѣ случаевъ, особенно на частно владѣльческихъ земляхъ, какъ частные такъ и общіе передѣлы совершались съ цѣлью равно-мѣрно и сообразно съ силами отдѣльной семьи разложить податное бремя. Передѣлъ совершался не потому, что земли было мало и земля имѣла высокую цѣну, а напротивъ потому, что земля имѣла мало цѣны а обремена была государственными и вотчинными платежами и повинностями; онъ производился не потому, что на пустующіе участки являлось много охотниковъ, а напротивъ потому, что никто не хотѣлъ ихъ брать на себя и нести съ нихъ податныя обязанности. Во 2-й половинѣ XVII вѣка мы видимъ, что вотчинники насильно навязываютъ пустыя доли крестьянамъ, которые всячески стараются избавиться отъ нихъ. Въ 1688 г. монастырскій крестьянинъ Алешка Мокѣевъ подаетъ челобитную своимъ государямъ игумену съ братією. Въ нынѣшнемъ 196 году, говоритъ онъ, по вашему, государя властелинскому указу прибавлено на меня сироту съ братьями четвертку вновь; а мы живемъ порознь, а которые есть и семьянистые, сохи по три выходятъ на поле.... а мнѣ сиротѣ гдѣ за ними угоняться, они семьянистые, а я одинъ..... Милостивые государя власти, пожалуйте меня сироту, ведите государя и иныхъ поверстать съ нами

въ новоприбавочныя доли, что они семьянистые и могутю своею *отъ тѣхъ новоприборныхъ доль отбиваются* и уваливаютъ на насъ скудныхъ и одинокихъ.... А которые семьянистые и тѣмъ подъ сею челобитною роспись. Рѣшеніе властей данное за имя приказчиковъ вышло слѣдующее: рассмотреть; буде онъ челобитчикъ скуденъ и одинокъ и тому такъ и быть. А которые семьянистые крестьяне, а тягла подъ ними малые а пустовые доли есть, и на нихъ тѣ пустовыя доли въ прибавку по разверсткѣ наложить тотчасъ безъ поноворки, и чтобъ пустовыхъ доль въ излишкѣ не было, а разверстаны бы и наложены были на семьянистыхъ крестьянъ. А будетъ противъ указу на семьянистыхъ крестьянъ не прибавите, и что съ тѣхъ тяголь взять приведется, то все взято будетъ на васъ безъ пощады. (Бѣляевъ К. на Р. стр. 233.)

Кромѣ жилыхъ тяглыхъ участковъ, которые состояли въ постоянномъ владѣніи общины, утверждены за нею писцовыми книгами и той части вотчинниковой или помѣщичьей земли которую крестьяне должны были обработать пропорціонально своему надѣлу, остальная земля, пустоши, отдавалась на оброкъ какъ своимъ крестьянамъ, такъ и чужимъ или обрабатывались наемными людьми (дѣловыми). Это отдача пустошей на оброкъ производится также при участіи міра. Такъ въ наказѣ приказчику дворцовыхъ заонежскихъ волостей Нехорошему Вельяшеву 1612 г. говорится: да Нехорошему Вельяшеву и старостамъ и цѣловальникамъ давати на оброкъ пустыя выти на пашню и на сѣнокосъ, пашня пахати и сѣно косити; а оброку имати за пашню и за сѣнокосъ на годъ съ выти съ добрыя по рублю, а съ середнія по 20 копенъ, а съ худыя по полтинѣ (Доп. къ А. И. I, 167). Тоже мы видимъ и на монастырскихъ земляхъ и вотчинахъ свѣтскихъ владѣльцевъ. «Крестьянамъ отмѣрять на выть 7 десятинъ, и что будетъ въ остаткѣ то роздать на оброкъ тогожъ монастыря вотчиннымъ крестьянамъ и стороннимъ охочимъ людямъ» (А. И. V, 171). Эти участки давались крестьянамъ или на извѣстное число лѣтъ «на уроч-

ныя лѣта» или «до жильцовъ» до тѣхъ пока не явится прочный поселенецъ, который построится на этой пустоши и обратитъ ее «изъ пуста въ жило» (Доп. къ А. И. I. 167). Всѣ землевладѣльцы старались добыть себѣ такого постояннаго землевладѣльца потому что вольная обработка изъ оброка была не обезпечена; иногда опустѣлое мѣсто успѣвало вновь зарости лѣсомъ пока не приходился новый поселенецъ. Въ Бѣлевской писцовой книгѣ XVII вѣка при 1461 дворѣ жиломъ, записано 612 дворовъ пустыхъ.

Количество повинностей отбываемыхъ крестьяниномъ въ пользу вотчинника первоначально не было произвольнымъ. До всеобщаго прикрѣпленія тягловъ, пока крестьянинъ имѣлъ право переходить съ земли одного владѣльца на землю другаго, размѣръ ихъ опредѣлялся обоюдными договорами и сформировавшимися путемъ этихъ договоровъ обычаями. Впрочемъ, при увеличеніи силы и богатства монастырей и другихъ вотчинниковъ еще до XVII в., очень вѣроятно, что еще тогда эти договоры составлялись и обычаи формировались подъ доминирующимъ вліяніемъ вотчинниковъ. Еще болѣе этотъ размѣръ повинностей сталъ въ зависимость отъ вотчинника послѣ всеобщаго закрѣпленія тягловъ, когда у крестьянина несогласнаго на увеличеніе повинностей окончательна была отнята возможность сойти съ участка. Хотя эта государственная мѣра, прикрѣпленіе тягловъ, не давала сама по себѣ вотчиннику права односторонне, безъ согласія крестьянъ измѣнять условія пользованія землей, но различными путями владѣльцы достигли того, что въ 1/2 XVII. в. какъ въ духовныхъ такъ и въ свѣтскихъ вотчинахъ это согласіе крестьянъ не считается необходимымъ. Такъ въ 1664 г. повинности крестьянъ Боголюбова монастыря были опредѣлены такъ: на монастырь пашни пахать на выть по 3 десятины въ полѣ а въ дву потомужь, сѣна косить на выть 200 копенъ, хлѣбъ сжать и смолотить а сѣно сметать въ стоги. Въ 1687 г. по просьбѣ Боголюбова монастыря эти повинности уставною грамотою патріарха Іоакима были увеличены. На крестьянскую выть состо-

ящую изъ 7 десятинь положено унавозить и засѣять монастырскими сѣменами 4 десятины; затѣмъ выросшій на нихъ хлѣбъ убрать, свозить, смолотить и въ житницы ссыпать; да сѣна на выть 25 копенъ сносить, сложить въ стоги и перевезъ на монастырскій дворъ, да за всякіе становые запасы за овчины и за холсты съ выти по рублю на годъ, и запасы всякіе хлѣбные дѣлать въ монастырскомъ хлѣбѣ, и къ монастырскому строенію лѣсъ рубить и возить и мелкія всякія издѣлія дѣлать по разсмотрѣнію, чтобы монастырю оскудѣнія а крестьянству большихъ налоговъ не было (Горчаковъ о земельн. влад. митр. стр. 423—4). На земляхъ свѣтскихъ вотчинниковъ было тоже самое. Въ половинѣ XVII в. если вотчинникъ увеличиваетъ количество оброковъ и десятинь, которое крестьяне должны пахать и косить въ его пользу, то крестьяне уже и не думаютъ напоминать о какихъ либо обычаяхъ а зываютъ лишь къ милосердію. Въ 1646 году Траханіотовъ, родственникъ Морозова, завѣдывавшій впослѣдствіи Пушкарскимъ приказомъ, обдиравшій не только челобитчиковъ, но и своихъ подчиненныхъ и убитый въ Москвѣ во время мятежа, посланъ былъ Морозовымъ устроить Морозовскія вотчины. Въ селѣ Лысковѣ онъ увеличилъ оброкъ съ выти втрое, но взамѣнъ того обѣщаль, что крестьяне не будутъ пашни пахать, столовихъ запасовъ возить и разныхъ издѣлій дѣлать; тоже самое онъ сдѣлалъ и въ селѣ Ново Покровскомъ. Такимъ образомъ увеличеніе оброковъ уровновѣшивалось уменьшеніемъ натуральныхъ повинностей, что имѣло видъ нѣкоторой справедливости. Но неизвѣстно какимъ образомъ оброкъ былъ увеличенъ, а обѣщанія Траханіотова сбавить повинности остались одними словами. Черезъ годъ, въ 1647 г., Лысковцы бьютъ челомъ боярину. Описавши злоупотребленія лысковскаго приказчика и сказавши какъ Траханіотовъ, увеличивъ оброкъ, обѣщаль сбавить натуральныя повинности а они остались тѣже, крестьяне продолжаютъ свою челобитную въ такомъ униженномъ тонѣ: да мы-жъ сироты сверхъ того твоего государева большаго об-

року служимъ тебѣ въ таможенныхъ и кабакахъ по 36 человекъ въ годъ; да мы жъ сироты работаемъ тебѣ, мельницы строимъ по вся годы, а мельница, государь, строится у насъ мѣсяцъ и больше, а ходитъ насъ на тое мельницу человекъ по 60 и по 70 и по 80 а къ затвору плотины ходитъ и 100 человекъ. Да мы жъ сироты строили въ Нижнемъ Новгородѣ твои житницы....—слѣдуетъ дальше еще нѣсколько періодовъ начинающихся словами да мы жъ сироты—да мы жъ сироты чистили на тебя черныи лѣсъ 10 дней, а было насъ на той работѣ 600 человекъ; да у насъ же сиротъ волею Божіей за умноженіе грѣхъ нашихъ нынѣшняго лѣта саранча хлѣбъ яровой и ржаной на поляхъ поѣла и въ гумнахъ въ огородахъ овощъ и траву поѣла а иное градомъ побилло и отъ того, государь и отъ твоего оброку большого прибавочнаго и издѣльнаго мы сироты твои оскудѣли и едождали великими долгами, нынѣ намъ оброку твоего платити невозможно, многіе изъ насъ сиротъ скитаются по міру. Умилосердись, государь, Борисъ Ивановичъ! Пожалуй насъ, сиротъ твоихъ бѣдныхъ, для своего многолѣтнаго здравія, какъ тебѣ объ насъ бѣдныхъ Богъ извѣститъ на нынѣшній годъ въ своемъ государевѣ оброгѣ и въ столовыхъ запасахъ, чтобы намъ сиротамъ впредь твоего государева тягла не отбыть. Государь, смилуйся, пожалуй (Забѣлянь *ibid*, 29).—Они даже не осмѣливаются заикнуться объ уничтоженіи набавленнаго оброва и просятъ только возможнаго облегченія намъ боярину Богъ на душу положить.

Таково было положеніе крестьянъ на вотчинныхъ земляхъ. Каково же было положеніе ихъ на земляхъ помѣстныхъ? Здѣсь является слѣдующій, при недостаткѣ изданныхъ документовъ относящихся къ управленію помѣстными землями довольно трудный вопросъ. Былъ ли размѣръ повинностей взимаемыхъ помѣщикомъ съ крестьянъ точно опредѣленъ органами государства, или же онъ зависѣлъ отъ воли помѣщикавъ. Помѣстья, находясь въ рукахъ помѣщиковъ, оставались имуществомъ го-

сударственнымъ и такъ какъ они часто возвращались обратно въ казенное управленіе и раздавались другимъ лицамъ, то государство должно было слѣдить за тѣмъ, чтобы помѣщикъ не запустошилъ своего помѣстья излишними поборами. Этотъ контроль государства видѣнъ еще съ самаго начала развитія помѣстной системы. Въ московскомъ государствѣ съ конца XV в. ведутся такъ назыв. переписныя окладныя книги. Одна изъ нихъ, окладная книга Водской пятины, дошла до насъ. Изъ нее видно, что правительство слѣдитъ за увеличеніемъ и уменьшеніемъ доходовъ съ помѣстій. Между тѣмъ какъ при описаніи монастырскихъ и вотчинныхъ (своеземцевыхъ) земель просто обозначается сколько въ данный моментъ, при составленіи переписи, идетъ съ каждой деревни дохода монастырю или вотчиннику, при описаніи земель помѣстныхъ и дворцовыхъ приводится сравненіе настоящаго дохода съ доходомъ получавшимся при предыдущей переписи: «старога доходу шло съ деревни столько-то, а новаго доходу идетъ столько-то»; въ концѣ описанія извѣстнаго помѣстья, дворцоваго села или волости подводится итогъ дохода со всѣхъ деревень; считается старый доходъ и новый доходъ и сравниваются—больше противъ прежняго или меньше противъ прежняго на столько-то. (Врем. О. И. и Др. XI. Окладная переписная книга).

Но если правительство и слѣдило за состояніемъ помѣстья, то все таки не оно опредѣляло размѣръ повинностей на земляхъ уже находящихся въ рукахъ помѣщика. Въ приведенной выше окладной переписной книгѣ иногда попадаетъ такая фраза: а новаго доходу Немировъ (помѣщикъ) ималъ столько-то (ibid стр. 235—236); значитъ доходъ опредѣлялся не писцами которые составляли переписную книгу, а какими то другими лицами, вѣроятно самымъ помѣщикомъ. Въ XVI изъ послушныхъ грамотъ крестьянамъ видно, что это право принадлежитъ помѣщику. Въ ввозной грамотѣ 1589 г. на помѣстье данное Смирново-Балдину сказано: и вы бѣ всѣ крестьяне Смирново-Балдина и его приказчика слушали, а пашню на него

пахали и доходъ ему помѣстной и хлѣбной, и денежной и всякой мелкой доходъ платили, *чѣмъ васъ Смирной изоброчитъ*. Есть нѣсколько послушныхъ грамотъ XVI в. изъ которыхъ на первый взглядъ можно вывести заключеніе, что государственные писцы переписывая извѣстное помѣстье вмѣстѣ съ тѣмъ производили переоброчку. Одна изъ такихъ грамотъ 1593 г. заканчивается слѣдующими словами: и вы бѣ всѣ крестьяне, которые въ той пустоши учнутъ жити, Ивана Хметевскаго (помѣщика) и его дѣтей слушали, пашню на нихъ пахали и доходъ помѣщиковъ имъ платили *до тѣхъ мѣстъ, какъ* тое пустошь *писмы наши или большіе мѣрички опишутъ и измѣряютъ* и учинять за ними пашни по нашему указу (Акты отн. до юр. быта Россіи I стр. 75—1693 г., другая подобная грамота А. И. I, 167,—1562 г.). Но врядъ ли эти выраженія доказываютъ, что на помѣстныхъ земляхъ оброки налагались на крестьянъ писцами; они указываютъ только на то, что, по измѣреніи и описи помѣстья, въ лицѣ помѣщика могли наступить переѣмы и тогда крестьянамъ придется доходъ платить другому помѣщику.

Такимъ образомъ въ XVI в. государство, передавая извѣстному лицу помѣстье, вмѣстѣ съ тѣмъ передавало ему и свое право опредѣлять оброки или лучше сказать входить съ населеніемъ въ соглашеніе относительно этого предмета. Выраженіе—*чѣмъ васъ такой-то изоброчитъ*—не могло обозначать произвола при существованіи права свободного перехода крестьянъ, при бѣдности въ рабочихъ рукахъ и при томъ еще условіи, что помѣщики сами въ большинствѣ случаевъ были люди не богатые а потому крестьяне не могли попасть къ нимъ въ кабальную зависимость, зависимость должника отъ кредитора. Изъ этой необходимости обоюднаго согласія помѣщика и крестьянъ должна была возникнуть извѣстная устойчивость въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщику. Когда къ помѣщику переходило изъ дворцоваго вѣдомства помѣстье, то договоры, грамоты или обычаи, которыми опредѣлялись отно-

*

шенія крестьянъ къ дворцовому вѣдомству, продолжали дѣйствовать и на помѣстныхъ земляхъ.

Такимъ образомъ отношенія помѣщика къ крестьянамъ въ XVI в. по всей вѣроятности были такія же какъ и отношенія вотчинника. Правительство вмѣшивалось только въ крайнихъ случаяхъ. Не видно также чтобы и послѣ всеобщаго закрѣпленія тягловыхъ правительство взяло на себя трудъ опредѣлять отношенія крестьянъ къ помѣщику. Государство не вмѣшивалось въ эти отношенія, предполагая однако же, что тамъ, гдѣ они опредѣлены грамотами или обычаями, эти отношенія по прежнему должны измѣняться не иначе какъ по взаимному согласію крестьянъ и помѣщика. Въ 1618 г. встрѣчается жалоба крестьянъ пожалованнаго Благовѣщенскому монастырю села Столыпинскаго на то, что монастырское начальство хочетъ обратить ихъ съ оброка на издѣльную повинность, а у нихъ есть жалованная грамота, чтобы имъ за издѣльную повинность платить монастырю деньгами. Дѣло разбиралось *судомъ*, что рѣшено, впрочемъ, въ пользу монастыря. (Бѣляевъ К. на Р. стр. 136).

Какъ бы тамъ ни было, если первоначально гдѣ нибудь или повсемѣстно, оброки и повинности на помѣстныхъ земляхъ опредѣлялись государствомъ а не помѣщиками (что весьма мало вѣроятно) и находились подъ большимъ контролемъ государства чѣмъ на вотчинныхъ земляхъ, то во времена Уложения всякая разниа между вотчинами и помѣстьями въ этомъ отношеніи исчезла. Еслибы такая разниа существовала, то Котошихинъ на нее указалъ бы, такъ какъ онъ нѣсколько страницъ посвящаетъ спеціально вопросу о томъ, чѣмъ разнится помѣстье отъ вотчины (Котош. VII, 8) Напротивъ онъ говоритъ: а свои подати *кладутъ они* (вотчинники и помѣщики), на крестьянъ своихъ *сами сколько съ кого что взяли* (ibid. XI, 3). Правительство реагируетъ только противъ крайнихъ проявленій помѣщичьяго произвола. Тотъ же Котошихинъ говоритъ: когда боярамъ и другимъ чинамъ даются помѣстья и

вотчины, то имъ пишутъ въ жалованныхъ грамотахъ, что имъ крестьянъ отъ стороннихъ людей и всякихъ обидъ и налогъ оберегати и стояти, а подати съ нихъ имати по силѣ съ кого что можно взяти, а не черезъ силу, чтобъ тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и вотчинъ не разогнать и въ нищіе не привести, я насильствомъ ихъ скота, и животины никакой, и хлѣба всякаго и животовъ не имати..... А будетъ который вотчинникъ и помѣщикъ..... учнетъ съ нихъ имати поборы великіе, ис противъ силы, чѣмъ бы привести въ нужѣ и бѣдности.... я будетъ на такого вотчинника и помѣщика будетъ челобитье, что онъ надъ нимъ такъ чинилъ, и сторонніе люди про то вѣдаютъ и скажутъ по сыску правду, и у такихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ помѣстья ихъ и вотчины, которые даны будутъ отъ царя, возьмутъ назадъ на царя, а что онъ ималъ какихъ поборовъ черезъ силу и грабежемъ и то на немъ велятъ взять и отдать тѣмъ крестьянамъ, а впредь тому человѣку, кто такъ учинитъ, помѣстья и вотчины не будутъ даны до вѣку. А будетъ кто учнетъ чинить такимъ же обычаемъ съ своими вотчинными купленными мужиками..... и у тѣхъ крестьянъ возьмутъ безденежно и отдадутъ сродственникамъ его добрымъ людямъ, безденежно жъ, а не такимъ разорителямъ (*ibid.* XI. 3.) У Соловьева приведена одна просьба объ исполненіи этой мѣры (Соловьевъ Истор. Рос. IX, стр. 429).

Конечно и въ это время существовалъ обычный размѣръ повинностей (о чемъ можно заключить изъ 38-й статьи XVI гл. уложенія); но самый обычный размѣръ слагался уже подъ преобладающимъ вліяніемъ вотчинниковъ и помѣщиковъ.

Мы видѣли, что община производитъ развытку земель между отдѣльными членами, хотя и подъ наблюденіемъ помѣщика или его приказчиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходила и разверстка государственныхъ и вотчинныхъ платежей. Уплату государственныхъ податей въ подлежащія учрежденія крестьянъ.

не производятъ или сами посредствомъ общинныхъ властей, или же черезъ владѣльцевъ и ихъ приказчиковъ. Случаи непосредственнаго отношенія правительства къ крестьянамъ въ дѣлѣ взиманія налоговъ встрѣчаются во весь XVII вѣкъ. Характерный примѣръ этихъ непосредственныхъ отношеній мы встрѣчаемъ въ 1620 году. Определено было взять со всего Бѣлозерскаго уѣзда, какъ съ посада, такъ и съ помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земель, даже съ тарханщиковъ и льготчиковъ, по 24 алтына съ четверти пашни. Для собиранія этого налога, во всѣ эти имѣнія, исключая земель патриаршихъ, Троицко - Сергіевскаго и Кирило-Бѣлозерскаго монастыря и вотчинъ митрополита ростовскаго, велѣно было ѣхать сыну боярскому Игнатію Кусакову. Приѣхавши въ помѣстья и въ вотчины, онъ долженъ былъ собрать деньги немедленно, безъ недобору и вмѣстѣ съ деньгами захватить съ собою старосту и крестьянъ *изъ каждого помѣстья* челоуѣка по 2 или по 3, взявши на нихъ предварительно крѣпкія поруки съ записями. Съ этими деньгами и не разставаясь съ старостами и крестьянами онъ долженъ былъ днемъ и ночью ѣхать, на спѣхъ, на Бѣлозеро и сроковь въ томъ, норовя старостамъ и крестьянамъ, для своей бездѣльной корысти, не давать ни на одинъ часъ. Если же какіе нибудь старосты и крестьяне не поѣдутъ съ нимъ вмѣстѣ съ ямскими деньгами, то на этихъ ослушниковъ послать многихъ приставовъ на многихъ подводахъ..... а тѣхъ ослушниковъ, приведши на Бѣлозеро, бить батогами и сажать въ тюрьму, а изъ тюрьмы вынимая бить на правезѣ нещадно, пока они государевы ямскія деньги заплатятъ (А. А. Э. III, 116). Такіе же примѣры встрѣчаются и въ началѣ XVIII вѣка. При всѣхъ экстренныхъ требованіяхъ правительство обращается, минуя владѣльца, прямо къ его вотчинѣ или помѣстью, къ его приказчику или въ томъ случаѣ, когда въ имѣніи нѣтъ приказчика и оно управляется старостою съ выборными (случай не рѣдкій) къ этимъ послѣднимъ. Также въ случаѣ неплатежа податей правительство не

рѣдко обращается не къ владѣльцу, что бы онъ понудилъ крестьянъ къ платежу, а понуждаетъ крестьянъ само. Старосты и выборные во 2-й половинѣ XVII в. дѣйствуютъ подъ надзоромъ владѣльца и о всякой уплатѣ или взыскаініи отписываютъ ему. Въ 1701 г. въ село Мыть князя Долгорукова, управлявшееся тогда безъ приказчика, пріѣзжаютъ подъячіе для сбора гривенныхъ денегъ и въ случаѣ неуплаты грозятъ правожомъ. Уплата сбора требуется помимо владѣльца, но староста считаетъ своею обязанностью отписать ему объ этомъ и на свое донесеніе получаетъ отвѣтъ: да писалъ ты староста, что въ село Мыть пріѣзжаютъ изъ Суздаля подъячіе для сбора гривенныхъ денегъ на нынѣшній годъ и тѣ деньги имъ указано править, а ты де сказалъ, что тѣ деньги посланы въ Москвѣ платить..... и ты тѣ деньги, выбравъ съ крестьянъ, заплати гдѣ легче въ Москвѣ или Суздаля. Въ 1705 г. пріѣзжаетъ снова въ село Мыть подъячій и требуетъ работниковъ въ Петербургъ съ 10 дворовъ по человѣку. Въ томъ же году по всему Суздальскому уѣзду ѣздитъ дворянинъ и беретъ съ 90 дворовъ по одному коню; съ села Мыть онъ взялъ 3 коня. Обо всемъ этомъ староста доводитъ до свѣдѣнія князя Долгорукова (Бѣляевъ К. на Р. стр. 239—240). Но если въ случаѣ экстренныхъ требованій правительство до конца XVII в. адресуется непосредственно къ крестьянамъ, то нормальный порядокъ съ половины XVII в. былъ уже другой. Въ это время нормальнымъ явленіемъ сдѣлалась уплата податей черезъ владѣльца или его приказчика а если и самими общинными властями, то подъ надзоромъ владѣльца. Послѣднее конечно всегда имѣло мѣсто въ томъ случаѣ когда въ имѣніи не было приказчика, гдѣ поэтому всѣ обязанности приказчика переходили къ старостѣ съ выборными.

Еще въ XVI вѣкѣ монастырскіе крестьяне на земляхъ пользовавшихся иммунитетомъ въ финансовомъ и судебномъ отношеніи выплачиваютъ подати при посредствѣ монастырскихъ властей (А. Ю. 209 I—VI). Иногда даже черныя деревни при-

бѣгали жь посредничеству монастыря и черезъ него уплачивали подати. Такъ въ 1603 году «съ остальныхъ черныхъ деревень» Рагульской волости платежъ производится при посредствѣ казначея Спаескаго Прилуцкаго монастыря (ibid. VII). Тѣмъ же монастыремъ выплачивается сѣнный оброкъ и «съ остальныхъ черныхъ деревень». Троицкаго угла (А. Ю. 210. V). Въ патриаршихъ вотчинахъ XVII в. сборы производились мѣстными старостами и цѣловальниками, выборными отъ крестьянъ, но изъ вотчинъ они доставлялись въ патриаршій дворцовый приказъ, откуда черезъ стряпчихъ они поступали въ подлежащія приказы; иногда только, вслѣдствіе особыхъ указовъ государевыхъ, производились платежи государственныхъ податей и мѣстнымъ воеводамъ или не въ Москвѣ а въ особо назначенныхъ мѣстностяхъ (Горчаковъ о зем. влад. стр. 421). Указы о податяхъ сообщались черезъ патриаршій дворцовый приказъ (ibid. приложение стр. 95). Въ помѣстьяхъ и вотчинахъ въ половинѣ XVII в. не только уплата податей производилась при посредствѣ или подъ надзоромъ владѣльца, но и самый сборъ податей поручался иногда приказчикамъ. Котошихинъ говорить: А подати царскіе съ крестьянъ велятъ (вотчинники и помѣщики) собирать старостамъ и *людѣмъ своимъ* и отдавати въ казну по указу царскому (Котош. XI, 3). Уложение 1649 г. также предполагаетъ это посредничество помѣщика при платежѣ налоговъ крестьянами или покрайней мѣрѣ надзоръ за уплатою съ его стороны. Одна изъ статей его говоритъ слѣдующее: если чей нибудь крестьянинъ находился въ бѣгахъ и будетъ возвращенъ законному владѣльцу, то государственный подати взимать не съ того вотчинника или помѣщика у котораго онъ жилъ находясь въ бѣгахъ и за которымъ можетъ быть даже записанъ по переписнымъ книгамъ, а съ того *вотчинника* или *помѣщика* (а не съ крестьянъ его) второму бѣглый крестьянинъ будетъ отданъ (Улож. XI, 6). Другая статья говорить: съ того владѣльца у котораго жилъ бѣглый крестьянинъ брать за *государевы подати* и по-

мѣщиковы доходы по 10 рублей въ годъ и отдавать тому *вотчиннику* или *помѣщику* которому принадлежитъ бѣглый крестьянинъ (ibid XI, 10).

Впрочемъ сборъ податей, нарядъ крестьянъ или наемъ людей для исполненія государственныхъ повинностей, какъ видно изъ множества примѣровъ приведенныхъ у Бѣляева, и во 2-й половинѣ XVII в. ближайшимъ образомъ относился къ обязанностямъ общинныхъ властей, старосты, выборныхъ и всего міра, хотя эти власти дѣйствовали и подъ надзоромъ владѣльца или его приказчика. Съ цѣлью правильнаго исполненія повинностей иногда общинныя власти нѣсколькихъ сель вступаютъ въ договоры между собою. Сохранилась одна росписка 1705 года старосты села Мыть двумъ старостамъ другихъ владѣльческихъ сель и всѣмъ крестьянамъ въ томъ, что оны, Мытскій староста, принялъ отъ тѣхъ двухъ старостъ и всѣхъ крестьянъ деньги на платье, хлѣбъ и обувь солдату, котораго оны поставилъ съ села Мыть. А согласились они, три старосты и всѣ крестьяне полюбовно такъ: теперь съ Мыта, съ 10 дворовъ, ставится солдатъ, а два другія села съ своихъ 10 дворовъ даютъ этому солдату деньги на платье, хлѣбъ и обувь; а если этотъ солдатъ будетъ убитъ-и государь прикажетъ поставить новаго солдата, тогда тѣ два села должны поставить солдата, а съ села Мытъ будутъ даны деньги на его содержаніе (Бѣляевъ К. на Р. стр. 226).

Главною единицею обложенія для государственныхъ податей въ московскомъ государствѣ съ весьма ранняго времени была соха. Первоначально соха не означала опредѣленнаго пространства земли, писецъ не мѣрялъ землю а только осматривалъ, описывалъ и составлялъ заключеніе о податной способности извѣстной общины. Соха такимъ образомъ обозначала извѣстную податную способность, податную силу. Быть также была скорѣе отвлеченною нежели исключительно пространственною единицею. Это была чисто мѣстная единица и въ различныхъ общинахъ была различна. Государственные сбо-

ры опредѣлялись съ сохи, намѣстничьи кормы и другіе мѣстные сборы, напр. доходы приказчика опредѣлялись съ выти (А. А. Э. I, 201. Врем. О. И. и Д. XI, о поз. влад. стр. 22). Правительство исчисляло сколько должна заплатить известная община сообразно количеству сохъ написанныхъ за ней въ писцовыхъ книгахъ, а дальнѣйшее распредѣленіе предоставляло производить самымъ жителямъ по землямъ или по землямъ и животамъ (А. А. Э. I, 234, 250, 268).

До царствованія Михаила Ѳеодоровича крупная единица—соха, была главной окладной единицей (А. А. Э. I. 234, 250; А. А. Э. II, 18, 19, 151, 152, 153, 158 отъ 1552—1610 г.). Съ царствованія Михаила Ѳеодоровича главной окладной единицей дѣлается мелкое подраздѣленіе сохи четверть; по книгѣ сошному и вытному писму 1620 г. четверть принята въ $\frac{1}{2}$ десятины а соха составлялась изъ опредѣленнаго, но различнаго смотря по роду владѣнія и по качеству земли, числа четвертей *). Въ своихъ актахъ правительство или упоминаетъ только одну мелкую единицу или вмѣстѣ съ тѣмъ упоминаетъ и соху; напр. съ сохи 800 р., а съ каждой четверти по рублю. (А. А. Э. III, 93, 116, 121, 268, 271 отъ 1618—1637 годовъ).

До 1630 г. соха и четверть заключала въ себѣ известное пространство земли. Но не каждая соха земли была одинаково населена, а вслѣдствіе того и податная тяжесть ложилась неравномѣрно. Гдѣ на одной сохѣ жило много людей, тамъ подати было нести легче, гдѣ мало—тамъ тяжелѣе. Поэтому московское правительство съ переписи 1630 года начинаетъ класть въ четверть не землю, а опредѣленное число дворовъ «Въ 138 (1630) году, по государеву указу, посланы па-

*) По этой книгѣ въ 1620 году на одну соху полагалось:

Въ вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ:		Въ монастырскихъ и церковныхъ земляхъ:	
Земля доброй	800 четвертей.	—	600 четвертей.
— средней	1000 — —	—	750 — —
— худой	1200 — —	—	900 — —

(Горчаковъ о зем. влад. стр. 413 и 414).

мяти изъ Помѣстнаго приказу къ писцомъ всѣхъ городовъ, а велѣно имъ класть и въ писцовыя книги писать въ платежныхъ земляхъ по 50 дворовъ крестьянскихъ и по 12 дв. бобыльскихъ въ четверть, съ чего платить живущаго, а въ монастырскихъ и церковныхъ земляхъ по 6 дворовъ крестьянскихъ да по 3 бобыльскихъ, всего крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ по 9 въ четверть». Нисцамъ (а иногда и выборнымъ людямъ, А. А. Э. IV, 6) поручалось въ каждой мѣстности росписать дворы по четвертямъ такъ, чтобы каждая четверть представляла одинаковую податную силу. Соотвѣтственно этой раскладкѣ опредѣленная на соху подать разлагалась на дворы. Такимъ образомъ по переписи 1630 и слѣдующимъ за нею переписямъ 1646—7 г. и 1678 г. платежною единицею сдѣлался дворъ, государственныя подати изъ поземельныхъ сдѣлались подворными. Правительство со 2-й половины XVII в. стало опредѣлять подати не съ сохи, а прямо съ извѣстнаго числа дворовъ. (Горчаковъ о зем. вл. стр. 415—419).

Еще въ XVI вѣкѣ и затѣмъ окончательно въ XVII в. разрушается прежнее единство земли (города съ уѣздомъ) и волости и въ дѣлѣ налоговъ. Какъ остатокъ прежняго порядка вещей встрѣчается въ началѣ XVII в. такое явленіе, что нѣкоторые монастыри выплачиваютъ налоги съ земли при посредствѣ городскихъ и волостныхъ общинныхъ властей. Такъ въ 1607 году звенигородскіе старосты и цѣловальники берутъ подати съ селъ и деревень сторожевскаго монастыря, и имъ велѣно, что бы они *одинъ годъ* съ этихъ селъ и деревень, съ $\frac{1}{3}$ сохи, податей не брали (А. А. Э. II, 68; другой подобный случай въ 1610 г. *ibid*, 158). Въ половинѣ XVII в., а можетъ быть и гораздо раньше, это единство совершенно исчезло. Съ требованіями податей правительство обращается къ каждому помѣстью и вотчинѣ отдѣльно какъ бы ни была мала поселенная на ней крестьянская община. Каждая вотчина выплачиваетъ въ Москвѣ или мѣстнымъ агентамъ столько, сколько за ней числится по сошному писму четвертей, не

входя въ составъ какого нибудь болѣе обширнаго округа напр. волости или города съ уѣздомъ. Только нѣкоторые мѣстные сборы и повинности напр. постройка мостовъ (А. А. Э. III, 145) ямовъ (ibid 158), содержаніе губнаго учрежденія (ibid 163, 271), сооруженіе укрѣпленій (ibid 269, 321) накладываются на цѣлый городъ съ уѣздомъ. Для раскладки, а иногда и для опредѣленія самой смѣты на устройство какого нибудь дѣла, втеченіи первыхъ десятилѣтій XVII в. всѣ жители сѣзжаются въ одинъ пунктъ (ibid 163, 158, 145). Раскладу суммы опредѣленной смѣтою они производятъ, руководясь сошнымъ писмомъ, по четвертямъ, т. е. соображаясь съ тѣмъ, сколько населенной земли (четыи въ живущемъ) числится за каждой вотчиной или помѣстьемъ (ibid 271). Такъ какъ съ увеличеніемъ Московской централизаціи смѣты на эти расходы (хотя производимые въ мѣстности, но по существу своему общегосударственные) стали окончательно составляться въ Москвѣ или воеводами подъ надзоромъ Московскихъ приказовъ, а раскладка смѣтной суммы представляла весьма простую механическую операцію, то съ половины XVII в. сѣзды жителей для составленія смѣты и раскладки прекращаются. Такимъ образомъ прежнее единство волости въ финансовомъ отношеніи въ XVII вѣкѣ не существуетъ тамъ гдѣ волость раздробилась между нѣсколькими владѣльцами. Но тамъ, гдѣ волость цѣликомъ вошла въ составъ земель однако владѣльца (дворцовья, патриаршія волости) и составляетъ одну поземельную общину, она поддерживаетъ свое значеніе и дальше.

Такое разрушеніе единства волости въ дѣлѣ налоговъ совершилось вполнѣ только въ центральной Россіи. Въ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ областяхъ, гдѣ земель вотчинниковъ и помѣщиковъ было очень мало *), не только сохраняется

---

*) Въ Перьскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ въ 1663 году существовали только: вотчина Богословскаго монастыря, въ которой числится 19 дворовъ, вотчины 3-хъ Строгоновыхъ помѣстья и вотчины воеводы и приказныхъ людей; служилыхъ людей надѣленныхъ помѣстьями гѣтъ (А. А. Э. IV, 138).

единство волостей, но значительно долѣе сохраняется и единство города съ уѣздомъ. Государственные налоги нѣсколько долѣе налагаются на городъ съ уѣздомъ и внутренняя раскладка производится не на основаніи сошнаго письма, а по животамъ и промысламъ. Для разверстки жители еѣзжаются въ одинъ пунктъ (уст. грамота Устьянскимъ волостямъ 1622 г. А. А. Э. Ш, 126; грамота въ Чардынъ 1646 г. А. А. Э. IV, 6). Впрочемъ, на всемъ ли пространствѣ этихъ окраинъ существовали такіе порядки относительно разверстки податей рѣшить нельзя по недостатку данныхъ. Въ 1681 г. въ Кольскомъ уѣздѣ подати уже опредѣляются не со всего уѣзда, а съ каждой волости отдѣльно по числу записанныхъ въ ней по переписи дворовъ (А. А. Э. IV, 243).

Обычай вести судъ съ участіемъ старость и цѣловальниковъ на судѣ у вотчинника или его приказчика сохранялся во все продолженіе XVII вѣка какъ на земляхъ дворцовыхъ, такъ и на земляхъ частновладѣльческихъ. Такое участіе старость и цѣловальниковъ на судѣ мы встрѣчаемъ въ дворцовыхъ селахъ въ началѣ XVII в. (Доп. къ А. И. I, 167), въ монастырскихъ имѣніяхъ середины XVII вѣка (А. А. Э. Ш, 217) и въ вотчинахъ Морозова и Долгорукова во 2-й половинѣ XVII в. Въ одномъ изъ своихъ наказовъ приказчику Морозовъ приказываетъ, чтобы крестьяне всею вотчинною съ приселками деревнями и починками выбрали изъ своей среды чловѣкъ 10, кого излюбятъ, крестьянъ добрыхъ, разумныхъ, правдивыхъ и дали бы въ ихъ выборѣ письменное удостовѣреніе. Приказчикъ долженъ судить съ этими выборными (Забѣлинъ. Больш. бояр. 17, 23; относительно вотчины Долгорукова Бѣляевъ К. на Р. 217).

На владѣльческихъ земляхъ въ половинѣ XVII в. уже установилась вотчинная юрисдикція, правда довольно скромнаго вида. Разсмотримъ какъ она исторически развивалась и въ чемъ состояла.

Въ XVI в. власть намѣстника и волостеля распространялась на цѣлую волость, все равно составляла ли эта волость, одну поземельную общину, общину—собственника, или же изъ этой волости уже выдѣлились частно-владѣльческія села, какъ напр. было въ волости Ликургской, въ которой осталось только 6 черныхъ деревень, а остальные деревни разоймали митрополиты и бояре (А. Ю. 8) *). Даже дворцовыя села не выдѣлялись изъ юрисдикціи волостеля. Для выдѣленія изъ нея нужны были особыя жалованныя грамоты. Такъ въ уставной грамотѣ дворцоваго села Андреевскаго 1544 г. говорится: намѣстники мои и волостели и ихъ тѣны тѣхъ моихъ крестьянъ села Одреевскаго сельчанъ и деревенщиковъ, пашенныхъ и оброчныхъ не судятъ ни въ чемъ, *отричь* душегубства и разбоа и татбы съ поличнымъ.... судить ихъ посельскій (А. А. Э. I, 201,—1544 г.). Тоже повторяется и въ другихъ уставныхъ грамотахъ, напр. въ уст. гр. дворцовыхъ Аванасьевскаго и Васильевскаго сель (ibid 240—1554 г.). Еще съ XIV вѣка жалованными грамотами производится во многихъ частныхъ случаяхъ выдѣленіе отдѣльныхъ частновладѣльческихъ сель въ особую юрисдикцію и въ особый податной округъ. Такіе выдѣ-

---

*) Это подчиненіе частновладѣльческихъ сель юрисдикціи намѣстниковъ и волостелей выражено прямо въ межевой грамотѣ Великаго князя Ивана Васильевича на пожалованные имъ сыну его Юрію города Дмитровъ и Кашинъ (грамота эта относится къ 1496—1504 г.). Происходило размежеваніе Дмитровскихъ и Кашинскихъ становъ и волостей отъ Переясловскихъ; при этомъ, для округленія границъ, нѣкоторыя монастырскія, боярскія и другія частновладѣльскія села были перечислены изъ Переясловскихъ становъ и волостей въ Кашинскія и обратно нѣкоторыя частновладѣльческія села изъ Дмитровскихъ и Кашинскихъ волостей были перечислены въ Переясловскія. По этому поводу въ грамотѣ сказано: а которые села и деревни монастырскія и боярскія по сему списку изъ Переясловскихъ становъ и волостей перешли въ Дмитровскіе и Кашинскіе станы, и тѣмъ монастыремъ и бояромъ и дѣтемъ боярскимъ тѣ свои земли вѣдати по старинѣ: *а даню и судомъ тѣмъ землямъ тянути* къ Дмитрову и къ Кашину и къ волостемъ Дмитровскимъ и Кашинскимъ, вуды которая земля перешла (Древн. Русс. Вывлюэнка часть 2-я изд. 2-е стр. 325—326 и 328).

ленные села съ деревнями получаютъ своихъ, такъ сказать, спеціальныхъ волостей въ лицѣ владѣльца и его приказныхъ слугъ различныхъ наименованій. Такими лицами въ земледѣльческихъ селахъ были посельскіе (А. А. Э. I. 201, 240), ключники (А. И. I. 165), приказчики (Врем. О. И и Др. XI отд. 2-й стр. 22.) въ бобровничьихъ слободахъ ловчіе (А. А. Э. I, 150), въ новыхъ поселеніяхъ не платящихъ до поры до времени податей, т. е. въ земледѣльческихъ слободахъ, слободчики, которые иногда были лицами выборными (Доп. къ А. И. I. 26; А. А. Э. I, 210). Иногда эти лица получали полную власть намѣстниковъ или волостелей, напр. въ 1509 г. по уставной грамотѣ Каменскаго села бобровникамъ такую полную власть волостеля съ правомъ судить душегубство и разбой съ поличнымъ получаетъ ловчій (А. А. Э. I, 150); но всѣ послѣдующія грамоты ограничиваютъ ихъ юрисдикцію; дѣла о душегубствѣ, разбоѣ и татѣбѣ съ поличнымъ оставляются за намѣстниками и волостелями, а со времени введенія губныхъ старость передаются послѣднимъ. Въ этомъ ограниченномъ кругѣ дѣятельность посельскихъ, ключниковъ, приказчиковъ etc. такая же какъ прежнихъ волостелей. Они судятъ съ участіемъ старость и цѣловальниковъ (а безъ старость и цѣловальниковъ посельскому суда не судити (ibid 201, 240) получаютъ извѣстный процентъ съ суднаго рубля, въ опредѣленномъ размѣрѣ кормъ и разныя другія пошлины напр. выводную куну при женитѣбѣ лица живущаго въ чертѣ одного приказа на женщинѣ изъ другаго приказа (а кто женить сына или дочь. дастъ замужъ изъ села въ село въ иной приказъ, и посельскому имати за выводную куну 2 алтына. Ibid 201). Они имѣютъ своихъ доводчиковъ и другихъ пошлинныхъ людей (ibid; А. И. I. 165). Также какъ и на волостеляхъ, на нихъ лежатъ нѣкоторыя полицейскія обязанности (а скоморохомъ ловчій или посельскій играти не освобождаетъ А. А. Э. I 150, 201, 240). Приведенные выше примѣры относятся къ дворцовымъ землямъ, но тоже самое и тѣже самыя приказныя

власти встрѣчаются и въ духовныхъ и свѣтскихъ вотчинахъ. Еще раньше образованія особыхъ юрисдикцій на дворцовыхъ земляхъ, именно съ XIV вѣка, мы встрѣчаемъ дарованія судебныхъ иммунитетовъ монастырямъ, митрополитамъ и свѣтскимъ вотчинникамъ.— До половины XV вѣка монастырямъ и митрополитамъ дается иногда неограниченное право суда (*ibid* 5, 7, 9, 34, 35, 38, 39, 42,) иногда ограниченное (*ibid* 4, 17, 21, 23, 28, 31, 41, 47, 52, 55, 61,); съ половины XV вѣка, за исключеніемъ одной грамоты которая есть подтвержденіе старой (*ibid* 95), дается только право суда ограниченное (*ibid* 99, 114, 119, 122, 124, 136, 139, 154 и др.). Въ концѣ XIV в. митрополитъ по жалованной грамотѣ получаетъ полную судебную власть (*ibid*, 9), а въ началѣ XVI в. ограниченную безъ душегубства и разбоя (*ibid* 139). Свѣтскіе вотчинники также получали такія жалованныя грамоты но съ ограниченнымъ правомъ суда (*ibid* 44, 46, 111, 121, 141 и др.).

Такъ выдѣленіе въ частныхъ случаяхъ, по особымъ жалованнымъ грамотамъ, юрисдикціи владѣльца и его приваженныхъ людей изъ юрисдикціи волостелей совершается во все продолженіе XVI в. Ко времени отмѣны намѣстниковъ и волостелей земли московскихъ митрополитовъ напр. составили особое вѣдомство съ своей вотчинной юрисдикціей по спорамъ и обязательствамъ между населенцами во всѣхъ владѣніяхъ каедръ (Горчаковъ. о зем. вл. стр. 288).

По отмѣнѣ намѣстниковъ и волостелей это движеніе не прекратилось. Хотя нѣкоторыя дворцовыя села и населенныя промысловыя слободы получили вмѣстѣ съ посадами и черными волостями выборное управленіе, но въ тѣхъ селахъ, которыя были прежде выдѣлены изъ состава волости, судились и управлялись приказчиками, эти приказчики остались, а если въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ селахъ и отмѣнялись, то это не было правиломъ твердо установленнымъ. Такъ въ платежной книгѣ 1588 г. дворцоваго села Единовова Тверскаго уѣзда говорит-

ся: а коли князь великій приказчику у нихъ быти не велить и крестьяномъ платити за приказчиковъ доходъ съ выти по 2 гривны; судебная дѣтельность переходитъ тогда вполнѣ къ старостамъ и цѣловальникамъ и на этотъ случай опредѣлены пошрины (Врем. О. И. Др. статья Бѣляева о поз. влад. стр. 22). Ни изъ чего не видно чтобы юрисдикція вотчинниковъ была уничтожена и населеніе, жившее на земляхъ лицъ пользовавшихся иммунитетомъ, было подчинено земскимъ судьямъ.

Съ конца XVI вѣка всѣ прежнія приказныя власти получаютъ генерическое названіе приказчиковъ. На дворцовыхъ земляхъ юрисдикція приказчиковъ продолжала существовать и въ періодъ такъ называемыхъ земскихъ грамотъ, хотя можетъ быть, и съ перерывами, чередуясь иногда съ управленіемъ и судомъ посредствомъ выборныхъ. Такіе приказчики существуютъ въ 1588 г. въ селѣ Юдиновоѣ Тверскаго уѣзда, въ Заонежскихъ дворцовыхъ волостяхъ въ началѣ XVII в. (Доп. къ А. И. I, 167; А. А. II, 30). Въ началѣ XVII в. количество приказчиковъ увеличивается какъ въ городахъ такъ и въ волостяхъ; они даже вводятся въ такія волости гдѣ прежде ихъ не бывало, напр. въ Устьянскія волости, гдѣ они, впрочемъ, существуютъ недолго, отъ Московскаго разоренія по 1622-й годъ (А. А. Э. III, 126). Такіе приказчики въ періодъ съ 1605 по 1612 г. существуютъ въ такихъ городахъ какъ Пермь (А. А. Э. II, 86—1608 г.), Устюжна Желѣзнопольская (*ibid.* 79, 83—1607 и 1608 г.). Кромѣ экономическихъ обязанностей на нихъ лежатъ еще судебныя и полицейскія. Они обязаны крестьянъ и посадскихъ людей судить и управу между ними чинить и отъ сторонъ оберегать, а на судѣ у нихъ должны быть старосты, цѣловальники и земскіе дьяки; за исполненіе своихъ обязанностей они получаютъ судную деньгу и другія пошрины. Все это обозначено въ наказѣ о судѣ и расправѣ въ дворцовыхъ селахъ заонежскихъ волостей 1598—1605 г., наказѣ объ управленіи тѣми же волостями

Нехорошему Вельяшеву 1612 г. двух грамотахъ въ Устюжну Желѣзнопольскую 1607 и 1607 г. и грамотѣ приказчику въ Пермь 1608 г. (А. А. Э. П., 30. Доп. къ А. И. I, 167, А. А. Э. П., 79, 83, 86). Изъ послѣдней грамоты видно также, что если въ извѣстный городъ съ уѣздомъ посылались два приказчика, то они должны были судить и всякія дѣла дѣлать не порознь а вмѣстѣ и притомъ единогласно, «за одинъ».*)

Вотчинная юрисдикція на патріаршихъ земляхъ установленная для отдѣльныхъ вотчинъ жалованными грамотами идущими съ XIV в., содержаніе которыхъ обобщено и распространено на всю область митрополичьей кафедрѣ грамотою Ивана Грознаго митрополиту Макарію 1551 г., продолжала существовать и въ XVII в. и подтверждалась жалованными грамотами Бориса Годунова, Василя Шуйскаго, Мих. Федоровича и Алекс. Михайловича. Въ XVII в. она достигла своего полнаго развитія и представляла правильную организацію съ движеніемъ дѣлъ по инстанціямъ. Инстанцій этихъ было 3; двѣ низшихъ и одна высшая. Въ патріаршихъ земляхъ приписанныхъ къ отдѣльнымъ домовымъ монастырямъ судомъ низшей инстанціи былъ судъ настоятеля съ монастырскимъ соборомъ, въ домовыхъ вотчинахъ приписанныхъ непосредственно къ дворц. патр. приказу низшей инстанціей

*) Въ городахъ иногда приказчики существуютъ рядомъ съ земскими судьями. Такъ въ 1608 и 1609 г. г. въ Пермь земскіе судьи существуютъ рядомъ съ двумя приказчиками облеченными судебной властью и обязанными судить посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ (А. А. Э. П., 86 и 137). Каково было отношеніе суда приказчика къ суду земскихъ судей гдѣ они существовали одновременно трудно опредѣлить. Подлежали ли судебному разбирательству тѣхъ и другихъ разные роды дѣлъ, или, можетъ быть приказчики судили *вмѣстѣ* съ земскими судьями, какъ напр. приказчики Бориса Годунова судили вмѣстѣ съ земскими судьями Шенкурскаго стана въ 1594 г., или какъ въ губныхъ дѣлахъ дѣйствуютъ иногда вмѣстѣ приказныя и выборныя власти (Уст. гр. города Шуй А. А. Э. П., 52)? Послѣднее предположеніе, мнѣ кажется, вѣроятнѣе; можетъ быть, даже, роль земскихъ судей низводилась въ той роли, какую играли старосты и цѣловальники въ селахъ на судѣ у приказчиковъ.

былъ судъ приказчика. Высшую инстанцію составлялъ патриаршій дворцовый приказъ въ Москвѣ. Наконецъ на рѣшеніи патриаршаго приказа можно было подавать жалобы боярской думѣ. Юрисдикція приказчика распространялась только на патриаршихъ крестьянъ, но юрисдикція настоятеля съ соборомъ и дворцоваго патр. приказа распространялась на всякихъ чиновъ патриаршихъ людей: крестьянъ, священниковъ, старцовъ, приказныхъ, патриаршихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (Горчаковъ о з. вл. стр. 288, 430—433) *).

Понятно, что при передачѣ въ помѣстья и вотчины отдѣльныхъ сель и дворцовыхъ волостей подчиненныхъ юрисдикціи приказчиковъ, эта юрисдикція не уничтожалась, а переходила къ другому приказчику—приказчику помѣщика или вотчинника. Такъ какъ во всѣхъ одинаковыхъ случаяхъ всегда существуетъ стремленіе построить юридическія отношенія по одному и тому же типу, то понятно, что съ распространеніемъ жалованныхъ грамотъ вводящихъ юрисдикцію вотчинника, съ устройствомъ такой юрисдикціи на дворцовыхъ земляхъ и въ монастырскихъ и патриаршихъ вотчинахъ, она стала вводиться и въ тѣхъ вотчинахъ и помѣстьяхъ на которыя и не имѣлось подобныхъ грамотъ просто потому, что это сдѣлалось общепринятымъ.

Въ 1/2 XVII в. судебно полицейскую юрисдикцію вотчинниковъ и ихъ приказчиковъ можно считать вполне установившеюся, хотя мы не встрѣчаемъ ни одного закона, который установилъ бы ее въ видѣ общаго правила. Котошихинъ весьма опредѣленно говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Царскихъ дворцовыхъ сель и волостей крестьянъ судятъ и расправу чинятъ па Москвѣ во Дворцѣ, а въ сельхъ

---

*) Такая же правильная система инстанцій вѣроятно существовала и на дворцовыхъ земляхъ, но къ сожалѣнію нельзя объ этомъ сказать ничего положительнаго, такъ какъ относительно дворцовыхъ земель нѣтъ ни монографій, ни изданныхъ матеріаловъ.

и волостѣхъ приказчики по грамотамъ во всякихъ дѣлѣхъ кромѣ уголовныхъ, разбойныхъ татевныхъ и пожегныхъ.— Патриархъ и митрополиты и архіепископы и епископы и монастыри вѣдаютъ противу тогожъ, какъ вѣдаютъ въ царскомъ дому его крестьянъ во всякихъ дѣлѣхъ.... кромѣ разбойныхъ и иныхъ великихъ уголовныхъ дѣлъ. Бояре и думные и ближніе и всякихъ чиновъ люди помѣщики и вотчинники вѣдаютъ и судятъ своихъ крестьянъ во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлѣхъ, кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ (Котош. XI, 1—3). Да въ домѣхъ же ихъ боярскихъ учинены приказы, для всякихъ домовыхъ дѣлъ и приходовъ и расходовъ и для сыску и расправы межъ дворовыхъ людей и крестьянъ (*ibid.* о житіи бояръ XIII, 16).

Подтвержденіе этого мы видимъ и на практикѣ. Въ наказахъ Морозова приказчикамъ говорилось: вѣдать тебѣ приказчику крестьянъ и бобылей и ихъ судить и расправу между ними чинить беспосульно и безволѣкитно; а въ грамотахъ крестьянамъ предписывалось, чтобы они во всемъ приказчика слушались и ни въ чемъ не огурялись и подъ судъ къ нему ходили (Забѣлинъ. *Ibid* стр. 23).

Постараемся точнѣе опредѣлить эту юрисдикцію въ $\frac{1}{2}$ XVII в.

Хотя она, быть можетъ, была тяжела для нашего крестьянства, но она далеко не достигала тѣхъ размѣровъ, которыхъ она достигала въ Западной Европѣ во времена феодализма или въ Юго-Западной Россіи при польскомъ владычествѣ, гдѣ юрисдикція владѣльца простиралась до права казнить своихъ подвластныхъ смертью.

Юрисдикція владѣльца была ограничена и относительно лицъ и относительно круга дѣлъ входящихъ въ ея компетенцію. а) Относительно лицъ. Въ свѣтскихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ, въ монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ она простиралась только на крестьянъ владѣльца, да можетъ быть еще на крестьянъ стороннихъ работающихъ по найму (въ вотчи-

нахъ Морозова наемные рабочіе подвергаются наказаніямъ наравнѣ съ его собственными крестьянами. Забѣлипъ, *ibid* 49). Въ патриаршихъ земляхъ, какъ мы видѣли, вѣдомству патриаршаго суда подлежалъ болѣе обширный кругъ лицъ, такъ какъ на этихъ земляхъ выработалась особая служебная іерархія, чего на земляхъ монастырей, свѣтскихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ не было. в) Относительно круга дѣлъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ вотчинная юрисдикція не простиралась на преступленія преслѣдуемыя въ интересѣ всего государства, *ex officio*, а не путемъ частнаго обвиненія, т. е. на губныя дѣла. Къ губнымъ дѣламъ относятся во 2-ю половину XVII в. кромѣ прежнихъ дѣлъ убійства совершеннаго завѣдомо лихимъ челоуѣкомъ, разбоя и татбы съ поличнымъ еще и другія; простое убійство, зажигательство. Не распространялась она на государственныя преступленія какъ напр. оскорбленіе величества, измѣну, выдѣлу фальшивой монеты, нарушеніе казенныхъ монополій, затѣмъ на преступленія противъ вѣры: совращеніе въ ересь и оскорбленіе святыни. Всѣ эти дѣла, какъ извѣстныя подъ техническимъ названіемъ губныхъ такъ и другія вышепоименованныя, велись въ московскихъ приказахъ и не только мѣстные помѣщики не были судьями въ этихъ дѣлахъ, въ нихъ, говоря вообще, не были судьями и мѣстныя должностныя лица, губные старосты и воеводы, дѣятельность которыхъ свелась къ роли полицейскихъ сыщиковъ и исполнительныхъ агентовъ производящихъ розыскъ, съ цѣлью добыть преступника и весь необходимый матеріалъ для будущаго суда надъ преступникомъ въ Москвѣ. Котошихинъ говоритъ слѣдующее: а будетъ въ царскихъ селахъ и въ волостяхъ и въ помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ селахъ и деревняхъ объявятся воры, разбойники, тати, и пожегщики и иные злочинцы: и такихъ сыскивая велѣно отсылати московскимъ къ Москвѣ въ Разбойный Приказъ, а городовымъ въ города къ воеводамъ и губнымъ старостамъ; а самымъ вотчинникомъ и помѣщикомъ съ такихъ дѣлъ сыскивати и указъ чинити никому невелѣно (Котош. XI, 5;

также XI, 1—3; это же косвенно подтверждается и уложениемъ (Ул. XIII, 7).

Судебная юрисдикція въ патриаршихъ вотчиннахъ относительно уголовного суда подлежала до 1/2 XVII вѣка тѣмъ же ограниченіямъ, но къ концу XVII вѣка, какъ полагаетъ Горчаковъ (о зем. вл. стр. 439—441) суду патриаршаго дворцоваго приказа стали подлежать и дѣла губныя. Это разширеніе патриаршей юрисдикціи во 2-й половинѣ XVII в. нельзя однако разсматривать какъ разширеніе вотчинной юрисдикціи, такъ какъ вліяніе государства на высшую администрацію въ патриаршихъ вотчинахъ до того возрасло, что патриар. дворцовый приказъ въ это время можно разсматривать какъ такое же государственное учрежденіе, какъ и остальные московскіе приказы.

Въ гражданскихъ дѣлахъ юрисдикція помѣщика и вотчинника не могла простираться на всякіе иски основанные на крѣпостяхъ, кабалахъ и различнаго рода явочныхъ документахъ такъ какъ всѣ эти иски вѣдались въ Москвѣ или у воеводъ. И въ этомъ отношеніи дѣятельность патриаршаго дворцоваго приказа шла дальше, такъ какъ этотъ приказъ въ Москвѣ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нотаріатомъ для всѣхъ сдѣлокъ между населеніемъ патриаршихъ вотчинъ (Горчаковъ о зем. вл. стр. 436).

Такимъ образомъ суду вотчинника и его приказчика подлежали какъ гражданскіе дѣла неоснованные на формальныхъ документахъ, такъ и тѣ уголовныя, которыя велись искомымъ порядкомъ, т. е. носили характеръ личной обиды, наир. дѣла о побояхъ. Въ этихъ предѣлахъ ему принадлежало право суда въ искахъ какъ *между* крестьянами, такъ и *на* крестьянъ, если стороннее лицо обращалось къ его суду. Еще наказами приказчикамъ дворцовыхъ Заонежскихъ волостей начала XVII в. приказчику велѣно не только «управу межъ крестьянъ чинить и ихъ судить» но имъ вмѣнено въ обязанность судить и въ томъ случаѣ если кто нибудь изъ лицъ стороннихъ предъявить

искъ на крестьянъ его приказа (А. А. Э. II, 30. Доп. къ А. И. I, 167). Вотъ примѣръ изъ практики XVII в. Жилъ одинъ крестьянинъ боярина Морозова въ монастырской деревнѣ Гремячей. Однажды онъ велъ лошадей, а сынъ монастырскаго крестьянина началъ лошадей пугать, вслѣдствіе чего Морозовскій крестьянинъ искалъчиль себѣ руку. Крестьянинъ (собственно приказчикъ Морозова а не самъ крестьянинъ лично) жаловался монастырскому келарю, и тотъ велѣлъ крестьянскаго сына наказать плетью, а отцу его велѣлъ лечить и кормить пострадавшаго крестьянина (Забѣлинъ *ibid* 490).

Стороннія лица, впрочемъ, не были обязаны обращаться съ своими исками на владѣльческихъ крестьянъ къ владѣльцу. На лицъ подвѣдомственныхъ патріарху въ половинѣ XVII в. сторонніе люди искали до 20 р. въ городахъ у воеводъ, а выше этой суммы, а также въ вотчинныхъ, помѣстныхъ и холопскихъ дѣлахъ, сначала искали въ приказѣ Большаго дворца а потомъ нѣкоторое время въ Монастырскомъ приказѣ (Улож. XIII, 3, 1). Тоже самое можно сказать и относительно свѣтскихъ владѣльцевъ. На дѣйствія владѣльческихъ крестьянъ сторонніе лица, даже крестьяне другаго владѣльца, жалуются то самому помѣщику, то прямо въ Москву или воеводамъ, особенно если истецъ предполагаетъ, что владѣлецъ будетъ мироволить крестьянамъ. Такъ въ 1692 г. нѣкто Савелій Арсеньевъ билъ челомъ Государямъ въ г. Тулѣ на крестьянъ и людей Луки и Демида Сазоновыхъ въ краденой коровѣ и въ разныхъ кражахъ, но затѣмъ, поговоря любовно съ владѣльцами, во всѣхъ тѣхъ искахъ съ крестьянами помирился. Даже въ болѣе позднее время, въ 1710 г., стольникъ Суворовъ судится у воеводы съ крестьянами Силы Пушкина, которые на землѣ Суворова пашню пахали, розь и яровой хлѣбъ сѣяли и сѣно косили; крестьяне на судѣ у воеводы отвѣчаютъ лично. Въ 1677 г. приказано было Рязанскому воеводѣ, что бы онъ крестьянъ Ивана Скуратова судомъ и расправой не вѣдалъ, а что бы эти крестьяне вѣдались судомъ

и расправую у воеводы Коломенскаго (примѣры эти у Бѣльева Кр. на Р. стр. 220—221).

Такимъ образомъ судебная дѣятельность намѣстниковъ и волостелей XV и XVI в. в. перешла отчасти въ Москву и раздробилась между приказами и ихъ агентами въ мѣстности, воеводами, губными старостами стрѣлецкими и таможенными головами, отчасти перешла къ владѣльцамъ. Но эти владѣльцы и ихъ приказчики должны были судить также какъ и прежніе волостели, посельскіе, ловчіе, съ участіемъ старость и цѣловальниковъ.

Такова юрисдикція владѣльцевъ какъ право. Но на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ у *сильныхъ* бояръ, она простиралась далѣе и конкурировала съ общими мѣстными судами, т. е. судомъ воеводы и губныхъ старость. Къ намъ дошелъ приказъ Морозова 1660 года, приказчику села Лыскова, что бы онъ пыталъ дьячка обвиняемаго въ убійствѣ женщины а распросныя и пыточные рѣчи прислалъ къ нему. Въ селѣ Екшевѣ того же боярина приказчикъ пыталъ одну женщину по подозрѣнію въ кражѣ, билъ ее кнутомъ, взвѣся, ударовъ во сто, и ребенка изъ нея вымучилъ (Забѣлинъ *ibid* стр. 507). Подобные же примѣры приведены и у Бѣльева, но относятся къ болѣе позднему времени, именно къ 1705 году (Бѣляевъ. Кр. на Р. стр. 217). Участіе старость и цѣловальниковъ на судѣ хотя и оставалось какъ старыи обычай, но врядъ ли они во 2-й половинѣ XVII в. играли въ этомъ дѣлѣ какую нибудь самостоятельную роль.

Полицейская власть принадлежавшая въ XV и XVI в. общиннымъ властямъ и отчасти волостелямъ въ XVII в. переходитъ къ владѣльцамъ и ихъ приказчикамъ хотя и при участіи мірскихъ властей, старость (Бѣляевъ. Кр. на Р. стр. 241—242) сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ (Выборъ сотскаго дворцовой волости Никольской старостой съ крестьянами 1690 г. А. Ю., № 288-й). Распорядительная часть во 2-й половинѣ XVII в. принадлежитъ вся владѣльцу и его приказчику. Въ

это время мы встрѣчаемъ распоряженія помѣщиковъ запрещающія строить кабаки, учреждать торги «что бы отъ людей прїѣхавшихъ торговать намъ убытка не чинилось, а вотчинѣ разорѣніе». А крестьянамъ нашимъ, пишетъ одинъ владѣлецъ, указать что бы вина и табаку не покупали, а если въ томъ кто будетъ уличенъ того бить батогами нещадно, да брать по рублю пени а тѣ пенныя деньги присылать къ намъ (Бѣляевъ К. на Р. стр. 243), Тоже мы видимъ и въ вотчинахъ Морозова (Забѣлинъ. *ibid* стр. 18—20).

Въ заботливости о крестьянской нравственности помѣщикъ доходитъ до того, что заставлятъ крестьянъ Богу молиться и не работать по праздникамъ. Приказчикъ села Ивановскаго пишетъ боярину Морозову. «Это лѣто была засуха и яри всѣ посохли, а крестьянамъ я говорилъ, чтобы къ церкви идти и молебны пѣть о дождѣ и они мнѣ, государь, отказали и къ церкви не пошли. Да твой указъ, что бы крестьяне по воскреснымъ днямъ не работали, а они, государь, работаютъ тайкомъ на себя а мнѣ говорятъ, отчего намъ не работать, вонъ на сторону работаютъ. Да на Петрово заговѣнъ въ церкви ни къ заутрени ни къ обѣдни ни кто не бывалъ, и въ томъ, государь, вели указъ учинить». Отвѣтъ получился такой: «тебѣ бы крестьянамъ въ церкви велѣть приходитъ ежевоскресеній и по праздникамъ господскимъ и богородичнымъ и молебны о бездождіи пѣть: а будетъ который крестьянинъ не придетъ къ церкви въ воскресный день или въ богородичный или иного каковаго великаго святого, и на тѣхъ имать, кто въ первые не придетъ 2 деньги, а въ другорядъ не придетъ и его бить батогами и взять на немъ пени алтынъ». Относительно работъ по праздникамъ бояринъ указалъ; «Тебѣ бы крестьянамъ заказать на крѣпко, что бы по воскреснымъ днямъ на мою работу не ходили и своего никакого дѣла не дѣлали; а гдѣ по сторонамъ дѣлаютъ, и то не въ образецъ..... а кто моего указу не послушаетъ и его за то бить батогами передъ

міромъ, что бы на то глядя и иные такъ не дѣлали и моего указу слушали». (Забѣлинъ *ibid* стр. 470—471).

Мірскія власти состояли изъ мірскаго схода, старосты, выборныхъ или цѣловальниковъ, сотскаго съ пятидесятниками и десятниками и земскаго дьячка который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и церковнымъ дьячкомъ.

Всѣ болѣе важные дѣла касающіяся интересовъ всей общины, напр. развытка участковъ и выборы должностныхъ лицъ, производились по мірскому приговору. (Горчаковъ о зем. вл. стр. 383—384). Въ случаяхъ менѣе важныхъ дѣйствуетъ отъ лица всего міра староста съ выборными. Староста есть главный представитель общины; въ актахъ подписанныхъ всѣмъ міромъ его имя стоитъ въ главѣ. Онъ вмѣстѣ со всѣмъ міромъ или съ выборными, подъ надзоромъ помѣщика или его приказчика, производитъ развытку земель, собираетъ и уплачиваетъ государственныя и владѣльческія подати, наряжаетъ крестьянъ для отбыванія государственныхъ и владѣльческихъ повинностей, заключаетъ договоры и обязательства отъ имени общины, вмѣстѣ съ выборными участвуетъ на судѣ приказчика. Онъ выбирался всѣмъ міромъ, иногда на опредѣленный срокъ. Приказчику дворцовыхъ Заонежскихъ волостей конца XVI и начала XVII в. велѣно «беречи на крѣпко что бы въ тѣхъ погостѣхъ старосты и цѣловальники года по два и по три не были и заговоромъ старосты и цѣловальники не становилися, а выбирали бѣ старость и цѣловальниковъ всѣ крестьяне» (А. А. Э. II, 30). Также на годъ выбирались старосты и въ монастырскихъ имѣніяхъ (А. А. Э. III, 217). Сотскій былъ исполнительный органъ полиціи; въ общинѣ его обязанность была «сыскивать всякого дурна» т. е. слѣдить за тѣмъ чтобы въ общинѣ не было воровства, разбою, пристанодержательства бѣглыхъ и другихъ преступленій, а если кѣмъ нибудь совершено преступленіе, то ловить преступника и представлять его куда слѣдуетъ. Ему должны были заявлять крестьяне при своихъ отлучкахъ изъ волости. Если для преслѣдованія преступ-

ника сотскій потребуеть помощи отъ крестьянъ, то они должны ему оказывать эту помощь. (Выборъ сотскаго дворцовой Никольской волости 1690 г. А. Ю. 288). Эти обязанности возложены на сотскихъ пятидесятскихъ и десятскихъ и всѣми губными грамотами.

Въ нѣкоторыхъ вотчинахъ письмоводствомъ занимались земскіе дьячки, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и церковными дьячками. Въ актѣ 1682 г. о выборѣ въ церковные и земскіе дьячки Козьмы Попова старостою и всѣми крестьянами Никольскаго Шунскаго погоста Тихвинскаго монастыря вотчины обязанности земскаго дьячка опредѣлены такъ: «жить въ смиреніи и у властей быть всегда въ покорствѣ и послушаніи, и гордости и величанія не имѣть, и насъ мірскихъ людей такожде во всемъ слушать, и въ письмѣ у всякого государева дѣла и у монастырскихъ приказныхъ людей и у насъ мірскихъ людей такожде всегда быть готову, и писемъ никакихъ нарядныхъ безъ нашего мірскаго совѣта не писать и жить во всемъ правдою, другу недружить, а не другу не мстить». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ съ другими дьячками пѣть въ церкви. Вступаетъ онъ въ исполненіе своихъ обязанностей по указу государя архимандрита Макарія съ братією. (А. Ю. 286). Въ дворцовыхъ волостяхъ земскіе дьячки встрѣчаются на судѣ у приказчика въ началѣ XVII в. (А. А. Э. II. 30). Въ царствованіе Алек. Мих. земскіе дьячки въ селахъ явленіе не рѣдкое (Ул. XI, 4; А. А. Э. III. 217).

Тамъ гдѣ существуютъ приказчики владѣльца, власть этихъ выборныхъ значительно стѣснялась. Но иногда, даже во 2-й половинѣ XVII в., владѣлецъ не назначалъ въ нѣкоторыя имѣнія приказчиковъ, и тогда обязанности этихъ послѣднихъ возлагались на старосту съ выборными. Такое управленіе всѣми дѣлами посредствомъ однихъ только общинныхъ властей встрѣчается какъ на земляхъ дворцовыхъ такъ и на земляхъ другихъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ.

Такъ въ дворцовой Никольской волости Бѣлозерскаго уѣзда въ 1690 г. какъ видно не было привазчика, (А. Ю, 288); то же самое бывало не рѣдко и въ патриаршихъ селахъ (Горчаковъ стр. 388). Въ селахъ Безобразова и Долгорукова иногда всѣ дѣла ведутся старостою и выборными. При существованіи приказчиковъ отписка изъ вотчины владѣльцу производится иногда не однимъ привазчикомъ а вмѣстѣ съ старостою и выборными, также и приказы владѣльца пишутся на имя ихъ всѣхъ вмѣстѣ.

Но каково бы ни было значеніе общинныхъ властей для міра, они во 2-й половинѣ XVII в. находились въ большой зависимости отъ владѣльца. Безобразовъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ пишетъ: бить кнутомъ старосту и бочаровъ (за то что по ихъ недосмотру сгорѣлъ господскій домъ) вода по деревнямъ, только бы чуть живы были, и оковавъ прислать къ Москвѣ на ихъ подводахъ. Князь Долгорукій въ 1705 г. заканчиваетъ одинъ изъ своихъ наказовъ такъ: а если не пришлете Сентября къ 10 числу оброчныхъ денегъ; и для wyboru оброчныхъ денегъ будетъ съ Москвы человекъ нарочный, а вамъ, старостѣ и выборнымъ, укажемъ наказаніе, бить кнутомъ нещадно и взять пеню (Бѣляевъ к. на Р. стр. 235—247).